

[Polaris]

ДАМА СО
СТИМТОМ

РОМАН
Я. ЛОВИЧА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLIV

Salamandra P.V.V.

**Яков
ЛОВИЧ**

**ДАМА
СО
СТИЛЕТОМ**

Роман

Salamandra P.V.V.

Лович (Лович-Дейч) Я. Л.

Дама со стилетом: Роман. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 115 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLIV).

Шанхай, конец 1930-х годов. В одном из парков «дальневосточного Вавилона» обнаружено мертвое тело состоятельного бонвивана с изящным стилетом в сердце. Друзья убитого, такие же эмигранты из России, решают проникнуть в тайну его смерти и берут на себя роль сыщиков. Улицы, набережные, кафе и кабаре Шанхая с русскими «партнершами для танцев» становятся фоном их расследования, которое приводит к неожиданным и шокирующим откровениям.

Детективный роман известного беллетриста «русского Китая» Я. Ловича «Дама со стилетом» (1940) продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

**ДАМА
СО СТИЛЕТОМ**

ГЛАВА I

УБИЙСТВО

— Дорогой мой, вам надоел Шанхай? Заявление, которое мне абсолютно непонятно, — задумчиво протянул, зажигая ленивым движением отличную сигару, выхоленный, изящный брюнет. — Вы находите, что Шанхай скучен? Но вы — беженец, случайный элемент Шанхая, вы не всосались в его жизнь, мало его знаете — и потому его очарование вам ничего не говорит. А между тем...

— В чем оно, это ваше очарование?! — воскликнул второй собеседник, молодой блондин с красивыми, живыми глазами. — В чем вы его видите? Где вы находите это очарование, Виктор Николаевич? Уж не в той ли пестрой, шумной, грязной толпе, которая снует по улицам Шанхая, горланит, бранится, торгуется? Неужели очарование — в тех голодных глазах, которые смотрят на вас, когда вы выходите из кино, из кабаре, из авто, — и молят вас о коппере? Эти наши беженцы, которые толпятся на авеню Жоффри и жадно ловят взгляд каждого прохожего в надежде на какой-нибудь грошовый заработок — в них вы находите очарование? Я слишком хорошо знаю жизнь этих несчастных людей, испытал ее на своей шкуре. Как далеко здесь до очарования! Где вы его видите? В чем?

— В чем? — протянул брюнет. — В чем очарование Шанхая? Милый мой, вы моложе меня — и не видите, не чувствуете этого очарования. Вы, обвеянный романтизмом юности, красивый, сильный, жаждущий борьбы!.. Да оглянитесь вокруг, посмотрите внимательнее на окружающее. Оно кругом — это очарование! Именно в яростной борьбе за существование, именно в голодной драке, когда на карту поставлено все — способности, умение приловчиться, сама жизнь человеческая. Как вы не видите этого? Здесь, где один вырывает у другого кусок хлеба изо рта, где риск, где борьба, где полный простор героям Джека Лондона, где так ре-

льефно, так ясно выявляются все чувства, все страсти человеческие. Милый мой! Да возьмите газету, любую газету — вчерашнюю, сегодняшнюю. Откройте ее, посмотрите ее внимательно и вы увидите, что она насыщена действием, динамикой, если хотите, даже романтизмом. Убийства, самоубийства, любовь, ревность, благородство, подлость, святость, измена — ведь все дышит этим. На каждой странице вы видите, читаете между строк трагедию души человеческой, держите эту душу в руках, чувствуете, как вивисектор, каждое ее трепыхание.

А человеческие трупы, которые находят здесь на улицах, в каналах, вылавливают в Вампу, обезображенные, неузнаваемые? Кто эти несчастные люди? Какая тайна витает над их смертью? Кто их убил? Что так трагически закончило их жизнь? А события, которые только что отзвучали и отодвинулись на сотни верст от Шанхая? События, которые привлекали к себе внимание всего мира, которые перепугали все государства, которые заставили великие державы коренным образом пересмотреть свою политику на Дальнем Востоке?

Эта величественная эпопея, геройская борьба за Шанхай, когда и та и другая стороны показали чудеса храбрости, самоотверженности, преданности своей родине. Эта величественная картина горячих, кровавых боев в темных переулках Чапея, когда с одной стороны была техника, военное искусство, холодный, математический расчет, а с другой — горячие, молодые головы, пылкая молодежь пробуждающегося Китая. Ведь героизму этой погибшей молодежи пели дифирамбы даже их враги — вы помните? А картина пылающего Чапея — эта картина, достойная кисти Верещагина, эта китайская Москва или столица безумного Нерона!

Милый мой, да это страница истории, которая перевернулась на наших глазах, вот здесь, рядом с вами — ведь мы слышали даже шелест этой переворачиваемой страницы — среди рева орудий, грохота взрывов, пулеметной трескотни. Вам надоел Шанхай? Боже мой! Из какого теста вы

сделаны, дорогой мой? А закулисные интриги, работа — тайная и явная — которая идет здесь в самых бешеных темпах?

Шанхай — это котел, в котором варятся, кипят и бурлят интересы многих государств, где перепутались интриги, взгляды, убеждения, верования, честь, долг, преступления, лесть... Концессии, банки, таможня, опиум, война, агенты чека, провокаторы, контрразведчики, большевики, царские генералы, дипломаты, шпионы, портреты царя и портреты Ленина в витринах на улицах.

Здесь вы увидите экономическую депрессию, сверх-скидки, распродажи, крахи и нищету — и рядом полные театры, кино, кабаре, самые потрясающие разгульные кутежи. Кто и за чей счет кутит, кто и за чей счет пропивает деньги, где их источник, в чей карман они попадают — полная неразбериха, полная каша, какое-то огненное сумасшедшее колесо, в котором, как и во всяком колесе, не ни начала, ни конца.

Город крайностей, город, напичканный парадоксами, город, в котором и Оскар Уайльд и Джек Лондон нашли бы неисчерпаемый материал для своего творчества. Город, в котором вы рядом с ужасающим пороком встретите примеры удивительного самопожертвования, где рядом с небоскребом вы увидите допотопную хижину, где недалеко от великолепного Банда, с его гранитными надменными гигантами, вы увидите вонючий, средневековый Зиккавейский канал, где одни женщины готовы идти за вами в любой переулок за несколько копшеров, а другие самоотверженно, оставив сытую, удобную жизнь, пошли перевязывать раны и ухаживать за чуждыми по расе китайскими солдатами.

Нет, Андрей, такой город не может надоесть... это удивительный город, целый мир, какого не создаст никакая, даже самая необузданная фантазия романиста. Я увлечен этим миром, я влюблен в него, я очарован им. Я по своей натуре, по-видимому, авантюрист, бродяга, я не в ту эпоху попал. Мне нужно бы жить заговоров, интриг, преступлений: меня должны были бы окружать средневековые атрибуты — яд, кинжал, иезуиты, чернокнижники, итальянские «браво», наемные убийцы.

Виктор Николаевич взял со стола рюмку с темным душистым ликером, выпил душистую влагу и взглянул на часы.

— Мой дорогой Андрей, — сказал он. — Вы, надеюсь, извините меня, если я покину вас. Я не из тех философов, которые бормочут о своих идеях, сидя в удобном кабинете, вдали от жизни. Я провожу свои взгляды в жизнь. Я люблю Шанхай и следую его привычкам и обычаям. Исколесив весь мир, я всегда жил жизнью тех юродов, куда меня забрасывала судьба. В Париже я проводил ночи на бульварах, в монмартрских кабаках, в Венсенском лесу. В Берлине я дул пиво на пари и дрался на дуэлях со студентами, обедался сосисками. В Лондоне меня били в гавани матросы, я проломил голову боксеру, чемпиону Шотландии, играл на скачках. В Риме носил плащ калабрийского бандита и мазал сладкие сюжеты с картин в виллах Медичи и Боргезе. В Шанхае... в Шанхае я не чужд адюльтера, ибо нарушение супружеской верности — один из типичных признаков Шанхая. Не хмурьтесь, мой друг: я — старый, неисправимый циник. Я люблю совращать с пути истины таких с виду неприступных, таких гордых матрон шанхайских трибунов. Боюсь, что когда-нибудь я получу по заслугам — это будет печальный финал моей, не хвастаясь, пестрой карьеры.

Легкая тень какой-то заботы, тревоги легла на его лицо. Но он прогнал эту тень усилием воли и снова улыбнулся.

— Сейчас я иду на свидание с очаровательной, демонической женщиной, обладающей не менее очаровательным, обвеянным ароматом поэзии именем — Юдифь. Это один из самых трагических романов в моей жизни. Может быть, потому, что — увы! — один из последних.

Он театральным жестом показал на свои седеющие волосы.

— Вы проводите меня, Андрей?

Блондин кивнул головой. Вызвав такси по телефону, они вышли из квартиры на блестящую асфальтом, ровную, как стрела, авеню Петэн.

— Сейчас 5 часов, — сказал Виктор Николаевич, глядя на наручные часы. — Позвоните мне около 8 часов, Андрей. Я с удовольствием куда-нибудь поехал бы кутнуть. Есть настроение... Едем? Итак, до свиданья, и помните, мой друг, что нужно пить жизнь полными глотками, ибо никто из нас не знает, что с ним будет через полчаса.. Аддио.

Он кивнул блондину. Мягко шурша шинами, машина рванулась в перспективу улицы.

* * *

Когда в 8 часов вечера Андрей позвонил по телефону, как было условлено, и попросил к телефону Виктора Николаевича, чей-то суровый голос сухо ответил:

— Виктора Николаевича? Кто говорит? Мистер Горин? К сожалению, я не могу его позвать, потому что Виктор Николаевич Лямин час тому назад убит.

— Что?! Что?! — крикнул, холодея от ужаса, Горин, но голоса в трубке больше не было слышно. Трубка выпала из рук Андрея. Побелевшими губами он пробормотал так недавно услышанную фразу: «Никто из нас не знает, что с ним будет через полчаса...»

ГЛАВА 2

КРУЖЕВНОЙ ПЛАТОК

Субинспектор устало потянулся и обратится к Горину с официальным видом:

— Вы приехали по делу об убийстве Виктора Николаевича Лямина? Садитесь. Ваше имя, отчество, фамилия, лета и занятие.

— Андрей Михайлович Горин, 29 лет, бывший студент, русский эмигрант, сейчас служу в конторе представителя автомобильных частей «Молния».

— Так. так. Мы собирались вас вызвать. Что вы хотели сообщить по делу об убийстве господина Лямина?

— Я приехал не сообщить что-либо по этому делу, а узнать, как все это произошло.

— Какие у вас основания интересоваться этим убийством?

— Но я близкий друг убитого, хорошо его знаю, многим ему обязан и думаю, что имею право...

— Да, да, конечно, — равнодушно перебил его субинспектор. — Раз вы его хорошо знаете, вы можете быть нам очень полезным. Но прежде, чем рассказывать вам, как произошло убийство, я попрошу вас сообщить все, что вы знаете о Ляmine. Должен вас предупредить, что ваше показание будет мною записано и будет впоследствии показано суду.

— Я к этому готов, — ответил Горин.

Субинспектор приготовился записывать и Горин начал свой рассказ:

— С Ляминим я познакомился четыре года тому назад в Иокोगаме. Я там служил пианистом в большом кинематографе. Лямин имел какие-то крупные дела с японцами. Средства позволяли ему быть меценатом по отношению к русским беженцам. Не могу скрыть, что и я неоднократно обращался к нему за помощью и никогда не получал отказа. Вообще, он чувствовал ко мне какую-то особенную симпа-

тию, даже любовь. Я подружился с ним, часто у него бывал. Когда он решил ехать в Шанхай, я был искренне расстроен, так как видел, что теряю друга. В целом мире у меня никого нет, ни одной близкой души и я горячо привязался к Лямину. Он обещал устроить меня в Шанхае и уехал. Месяца через три я получил телеграмму, в которой Лямин просил меня немедленно выехать в Шанхай. Я бросил свое кино и приехал сюда. Лямин сейчас же меня устроил. Теперь я получаю хорошее жалованье, бываю в обществе, давно забыл нужду — и всем этим я обязан Лямину. Я искренне его любил, уважал и весть о его смерти потрясла меня. Как это произошло? Ради Бога, не томите меня!

— Я расскажу вам все потом, — сухо сказал субинспектор. — Когда вы видели в последний раз Лямина?

— Сегодня вечером, около 5 часов. Он сел в машину на авеню Петэн.

— Куда он уезжал?

— Точно не знаю, но он говорил, смеясь, что едет на свидание к какой-то даме.

— Вы знаете эту даму? Раньше он о ней упоминал?

— Понятия не имею, кто она. Лямин сказал только, что ее зовут Юдифь. Лямин увлекался многими женщинами и сам пользовался успехом. Его увлечения были мимолетны и никогда нельзя было точно сказать, кто в данную минуту дама его сердца.

— Он вел рассеянную жизнь? Бывал часто в кабаре? Откуда у него были деньги?

— Лямин был, по моему, богат, что и позволяло ему ничего не делать. Он совершенно одинок и жил в квартире, в которой был только один бой. Рестораны и кабаре посещал часто и охотно. Я иногда его сопровождал.

Было около 1 часа ночи. Допрос длился еще некоторое время и Горин подписал протокол.

— Теперь я могу сказать вам, при каких обстоятельствах произошло убийство, — устало протянул субинспектор.

Он задумчиво побарабанил пальцами по столу, внимательно глядя на Горина, и заговорил:

— Около 7 часов вечера, к постовому полисмену около Джессфильд-парка подбежал один из сторожей и сообщил, что на глухой аллее парка лежит мертвый человек. По рассказу взволнованного сторожа полисмен заключил, что неизвестный человек убит. Полисмен пошел со сторожем и нашел залитый кровью, еще теплый труп мужчины средних лет. С левой стороны груди торчал проникнувший в область сердца тонкий стилет. Стиллет такого типа, какие бывают в обыкновенных тростях. Но самой трости около трупа не оказалось. Были вызваны власти. Установили по документам и карточкам, что убитый — Виктор Николаевич Лямин, русский эмигрант. По адресу, указанному на визитной карточке, поехали два детектива, которые привезли боя Лямина. Бой опознал труп и сообщил, что в 5 часов вечера его хозяин ушел из квартиры со своим другом Андреем Михайловичем Гориным, то есть с вами. Решили искать вас, но вы предупредили события и явились сами. Вот и все.

— Но мотивы убийства? — воскликнул Горин. — Какие-нибудь следы? Что это — ограбление, месть, ревность?

— Мотивы пока непонятны, — ответил субинспектор, — крупная сумма денег в бумажнике цела. Что же касается следов преступления, то они есть и по этому поводу я должен попросить некоторых разъяснений у вас.

На слове «вас» субинспектор сделал многочисленное ударение.

— У меня? — удивленно воскликнул Горин. — Но при чем же тут я?

— Вот это нас и интересует. Мы поэтому и хотели вас найти.

Субинспектор посмотрел на Горина неприятным, колющим взглядом, открыл ящик стола и вытащил крошечный дамский носовой платок.

— Этот платочек был найден рядом с трупом. На нем нет ни какой метки. Знаком он вам?

— Нет... — растерянно пробормотал Горин.

— Тогда как вы объясните вот эту надпись?

Субинспектор протянул Горину чуть пахнувший духами кружевной комочек.

На одной его стороне мелким бисерным, явно женским почерком было написано карандашом:

«Клянусь любить только Андрюшу Горина».

ГЛАВА 3

АРЕСТ

— Что вы скажете об этой надписи? — повторил субинспектор, не спуская глаз с Горина.

Молодой человек вскочил со стула, взволнованный, ошеломленный загадочной фразой на платке.

Вихрь мыслей бурлил в его голове. Чей это платок? Кто писал эту фразу? При чем тут он, Горин? Какая женщина замешана в этой таинственной истории?

Все было непонятно, фантастично, дико.

— Я ничего не понимаю, — пробормотал Горин. — Я не могу себе объяснить происхождения этой надписи... Я не знаю никого, кто бы мог сделать эту надпись... Я отказываюсь что-либо понимать. Я не помню даже, чтобы у нас с Ляминым были общие знакомые женщины. Все это чрезвычайно загадочно.

— Но вы не можете отрицать, — сказал субинспектор, — что это, действительно, странно. В 5 часов вечера вы идете со своим другом по улице, разговариваете с ним, знаете, куда он идет, а через два часа вашего друга находят убитым. Если его убила женщина, то вы должны ее знать, потому что она знает вас...

— Но клянусь вам... — с отчаянием воскликнул Горин, чувствуя, что почва уходит из под его ног.

— Подождите! — повелительно поднял руку субинспектор. — Она вам знакома — иначе нечем объяснить, что на ее носовом платке написаны ваши имя и фамилия. Откуда же она знает вашу фамилию? И, самое важное, эта женщина клянется любить только вас. Такие надписи не делаются шутя. Очевидно, здесь что-то не то. Очевидно, происходило объяснение, объяснение серьезное, если оно закончилось убийством одного из собеседников. Говорили о вас, потому что надпись была сделана во время этого объяснения. Это точно установлено, потому что недалеко от трупa ле-

жал карандаш. которым была сделана надпись на платке, и пустая коробочка из под сигарет, которую подкладывали под платок, когда на нем писали. На коробочке даже сохранились оттиски и углубления от нажима карандашом. Простое накладывание платка на коробочку установило полное совпадение надписи с углублениями на коробочке.

Субинспектор снова побарабанил пальцами по столу.

— Да... — продолжал он. — Восстанавливая всю сцену убийства по данным, которые у нас имеются, мы можем предположить, что случилось следующее. В парке, на уединенной аллее, происходит бурное объяснение между господином и дамой. Упоминается имя друга этого господина. Мало того, ради какой-то непонятной нам пока цели, дама пишет на носовом платке, что клянется любить только этого друга. Разговор принимает резкий характер и...

Субинспектор, довольный гладким развитием своих предположений, театрально развел руками.

— Идем дальше. Убийство произошло в общественном парке. Там было немало народа — следовательно, какие-то исключительно важные причины толкнули преступника или, вернее, преступницу на этот отчаянный шаг. Может быть, она не соображала, что делала? Какое-то большое потрясение... событие вывело ее из душевного равновесия. И все это случилось во время разговора о вас. Однако, если вам верить, вы не знаете этой женщины. А, между тем, сопоставив все данные, выходит, что она играла большую роль в вашей жизни и в жизни Лямина. Так, по крайней мере, говорят те сведения, которые имеются у нас...

Субинспектор произнес последнюю фразу, чеканя каждое слово.

Горин сидел, опустив голову, разбитый, уничтоженный, растерянный. Цепь лихорадочных мыслей бурлила в его голове,

Он чувствовал, что впутывается в какую-то таинственную и очень неприятную историю. Он вздохнул, поднял голову и нерешительно произнес:

— Вы... вы считаете, что я принимал участие в убийстве?

— Я этого пока не говорил, — живо ответил субинспектор. — Но согласитесь сами, что многие данные свидетельствуют против вас. Вы близкий друг Лямина, знаете его жизнь, часто бывали у него, у вас общие интересы. За два часа до убийства вы виделись с ним. Убийца говорил, или говорила с ним о вас, может быть, вы причина убийств. Долг повелевает мне задержать вас.

— Что! Но ведь я могу доказать вам, где я был в 6 часов, в 7 часов... в 8 часов! Я был далеко от Джессфильд-парка, когда было совершено преступление! — взволнованно проговорил Горин.

— Где же вы были?

— Сразу, как только я расстался с Гориным, я поехал к себе домой. Потом — с 6 до 8 я был на Хонан-род. Вы представляете себе это расстояние — от Хонан-род до Джессфильд-парка? Это около 6 километров. Как же я мог...

— Ну, хорошо. Но кто же может подтвердить, что вы действительно были на Хонан-род именно в это время? У кого вы там были?

— Я был у нашего общего с Ляминим друга — у Симона Кросса.

— Симон Кросс? Кто он — англичанин?

— Нет... финн. Хонан-род... Номер... номер? Сейчас скажу точно. Вот его карточка.

Субинспектор взял карточку и прочел:

Симон Кросс

Преподаватель

математики

Дальше стоял адрес.

— Хорошо, — вздохнул субинспектор. — Я его вызову. А пока... А пока... вы арестованы по обвинению в причастности к убийству Виктора Николаевича Лямина!

ГЛАВА 4

СИМОН КРОСС

Горина поместили в отдельную камеру. Молодой человек был так потрясен всем происшедшим, что, не снимая шляпы, бросился на койку, зажал голову обеими руками и отдался во власть беспорядочного потока мыслей.

«Кто убил Лямина? Почему мое имя очутилось на дамском платке? Случайно ли это было, или имело отношение к убийству? Замешана ли тут женщина? Кто она?»

Он перебрал в своей памяти знакомых женщин — и не мог установить ни малейшего намека на какое-либо отношение к Лямину. Они или не были знакомы с Ляминым, или были ему безразличны, как случайные знакомые, с которыми он не сказал и четырех слов.

Горин начал припоминать женщин, которых встречал с Ляминым, и припомнил двух, которые, как он точно знал, были близки с Ляминым.

Но одна из них еще год тому назад уехала из Шанхая, а вторую Горин потерял из вида. Вообще, Лямин все свои романы обставлял такой таинственностью, что Горин о них почти ничего не знал, да и мало интересовался ими. Изредка Лямин с легкой усмешкой рассказывал о том или другом любовном приключении, придавая ему стиль Казановы или «Декамерона», но почти никогда не упоминал имен.

Чем больше Горин думал об убийстве, тем меньше представлял себе, как можно решить эту загадку.

Мало-помалу стало выступать на первый план его собственное запутанное положение. Он, лучший друг Лямина, арестован по подозрению в убийстве человека, которому был предан всей душой, которого любил, которому был бесконечно благодарен. Что может быть нелепее и ужаснее такого положения?

А между тем, он сидит за решеткой, его имя попадет в газеты, он будет уволен со службы, он потеряет свое, с та-

ким трудом завоеванное положение в обществе.

Конечно, его выпустят, недоразумение будет разъяснено, но... но осадок останется и пока убийца не будет найден, трудно рассчитывать на прежнее приличное положение в обществе. Перед воображением Горина вдруг замелькали жирные газетные заголовки: «Горин — убийца Виктора Лямина», «Человек, который убил своего лучшего друга» и т. д.

А вдруг он не сумеет доказать свою непричастность к убийству?

Он испуганно расширил глаза и похолодел от ужаса.

Но сейчас же воспоминание о Симоне Кроссе успокоило разгоряченную голову. Перед его глазами выплыла коротконогая, плотная фигура Симона, всегда аккуратно одетого, медлительного и флегматичного. Ясные, холодные, серые глаза, суровая складка у губ, короткие остриженные, соломенного цвета волосы.

Таков был друг Горина и Лямина — Симон Кросс, учитель математики, который должен был доказать, что в часы убийства Горин был у него.

И Горин знал, что Кросс докажет это, как доказывает каждый день своим ученикам с каменной непреложностью вечные основы своей точной науки.

Этот сорокалетний человек обладал необыкновенной памятью, точностью и аккуратностью, был наблюдателен, педантичен и обладал секретом самого точного психологического анализа.

Каждое его слово было обдуманно, взвешено и значительно. В разговорах с ним казалось, что для Симона нет тайн, что все в мире для него ясно, распределено по полочкам и снабжено ярлыками.

Это был человек севера, далекий от увлечений и страстей, холодный, как небо его родины Финляндии, тяжеловесный и угрюмый, как шхеры Финского залива.

— Вот кто решит эту загадку! — подумал Горин и ему стало сразу легче.

Снова мелькнули в воображении суровые, спокойные, холодные глаза, упрямый подбородок, крепкие зубы.

— Этот перегрызет всякую загадку! — почти весело решил Горин, засыпая на твердой койке.

* * *

На следующий день Горина вызвали в камеру производящего предварительное следствие.

— Должен сообщить вам, — хмуро произнес субинспектор, — что объяснения, представленные господином Кроссом по поводу вашего алиби, признаны мною удовлетворительными. Показания Кросса подтверждаются его квартирной хозяйкой и соседями, а также владельцем той аптеки, откуда вы звонили по телефону на квартиру Лямина. Поэтому я освобождаю вас, но так как в деле много неясностей и ваши показания могут нам еще пригодиться, я возьму с вас подписку о невыезде.

— Иначе говоря, — сказал Горин, — я все еще не освобожден от подозрений?

— Закон предписывает мне осторожность, — сухо отрезал субинспектор. — Подпишите эту бумагу.

Горин расписался.

— До свидания, — сказал субинспектор. — Господин Кросс ждет вас в соседней комнате.

— Нет, — криво усмехнулся Горин. — Не до свидания, а лучше уже, — прощайте.

Он поклонился и вышел.

Навстречу ему шел приземистый, кривоногий человек с улыбкой на бритом, чуть скуластом лице.

— Симон! — воскликнул радостно Горин. — Спасибо вам, спасибо, дружище! Выручили меня. Как мне благодарить вас? Родион мой!

— Это был мой долг, — просто сказал Кросс, пожимая руки Горина. — Долг вашего друга, Андрей, и долг человека, который сидел с вами рядом, когда в Джессфильд-парке пролилась кровь Лямина. И еще — долг человека, который бредет по стопам истины и догадывается, кто убийца Лямина.

ГЛАВА 5

«УМОЛЯЮ...»

— Кто же убил? Кто? — взволнованно воскликнул Горин.
— Вы знаете убийцу?

— Не торопитесь, — невозмутимо ответил Кросс. — Я люблю точность в выражениях. Я не сказал, что знаю. Я сказал: «догадываюсь»...

— Кто же убийца? Действительно, женщина? Откуда вы ее знаете? — перебил Горин.

— Подождите: вы не даете мне сказать ни слова. Начнем по порядку. Когда вы расстались с Ляминам?

— В 5 часов вечера.

— Когда вы приехали ко мне на Хонан-род?

— В 6 часов... с минутами.

— Вы помните, что я подъехал к своей квартире одновременно с вами? Да? Так вот, приблизительно в четверть шестого я встретил на Бренан-род, недалеко от Джесфильд-парка, Лямина, который шел к парку с дамой. Это, конечно, удивительная случайность, что в таком огромном городе, где-то на периферии, встречаются два знакомых, один из которых через час-полтора был убит, а другой заинтересован в том, чтобы найти убийцу. При этом, по-видимому, убийцы шел... или, вернее, шла рядом со своей будущей жертвой. Но факт остается фактом... может быть, потому, что, по пословице, на ловца и зверь бежит.

Ну, вот... Лямин был так увлечен беседой со своей спутницей, что не заметил меня. Я по природе очень наблюдателен и от меня не укрылось, что разговор имел возбужденный, странный характер. Бывает так, что не только отрывок разговора, не только фраза, но и отдельное слово, пойманное на лету, дает представление, о чем идет речь. Вы можете даже не видеть говорящих, но интонация, чувство сразу — даже по одному слову — скажут вам многое...

Вы слышите, например, за оградой сада одно лишь шепотом, страстно сказанное «люблю» — и картина свидания перед вашими глазами. А такие слова, как «милый», «дорогая» или, наоборот, «проклятый», «ненавижу» — вложенным в них чувством часто говорят больше, чем целая речь. Одно такое слово, произнесенное спутницей Лямина, я поймал.

Вот это слово — «умоляю...» Слово, сказанное музыкальным, грудным, сильным голосом. В нем была целая гамма чувств. Что-то вырвалось пламенный потоком из груди этой женщины, страсть звенела в ее голосе, что-то большое, наболевшее, вложила она в это короткое «умоляю». Это слово вспомнилось мне сразу после убийства.

— Вы думаете, что эта женщина — убийца Лямина?

— Вот именно. Возможно, что эта та, о которой Лямин упоминал, когда ехал на свидание. Сопоставьте данные. Лямин ехал на свидание с женщиной. Я встретил его с дамой всего за час-полтора до убийства и около того места, где оно было совершено. На месте убийства остался дамский носовой платок с надписью, сделанной женской рукой и притом сделанной там же, во время объяснения. Это точно установлено: вспомните коробочку из-под папирос, на которой остались отгиски. Затем — характер раны. Удар нанесен слабой рукой: стилет проник совсем неглубоко, но, к несчастью для Лямина, попал как раз в сердце.

Я рисую себе такую картину. Лямин приехал на свидание и встретился с какой-то дамой — вероятно, с той, с которой я его встретил на Бренан-род. Произошла горячая беседа. Вполне естественно, что собеседники, чтобы не возбуждать внимания прохожих, отправились в парк. Там они выбрали глухую аллею и продолжали разговор. По какому-то поводу дама написала ваше имя на платке. Что-то довело даму до иступления и она убила Лямина.

Растерянная, взволнованная, не помня, что делает, и далекая от того, чтобы замести следы, она роняет платок, оставляет на месте коробочку из-под папирос, карандаш и стилет — и бежит из парка. Это первое, что пришло в совершенно растерянный мозг случайной убийцы — бежать... За-

тем она затерялась в уличной толпе. Почему-то я думаю, что она — случайная убийца, хотя то, что она взяла с собой палку со стилетом, противоречит этой случайности.

— Да, ваша версия вполне вероятна, — задумчиво говорил Горин. — Но вы знаете эту женщину? Кто она? Вы хоть запомнили ее?

— Нет, я не знаю ее. Мне не удалось даже разглядеть ее. Лицо дамы было закрыто полями шляпы. К тому же она шла, опустив голову. Кажется, она брюнетка. Высокий рост, стройная, изящно одетая. Помню, что на ней было белое воздушное платье. Но что я не забуду — это ее голос. Я узнаю этот голос, где угодно. Голос необыкновенный — низкий, проникающий в душу, ласкающий слух. Впрочем, голос трудно описать — его нужно слышать.

— Конечно, Симон, вы обо всем этом рассказали полиции?

— И не подумал. И не буду ни в коем случае рассказывать, — спокойно ответил Кросс.

— Как? Почему? — удивленно воскликнул Горин.

— Вы много раз говорили мне, что я чудак, — задумчиво сказал Кросс. — Это верно. У меня есть несколько мотивов никому не говорить о своих предположениях. Прежде всего — как это ни странно со стороны представителя сухой, точной науки — терпеть не могу всех этих официальных процедур. Допросы, показания, очные ставки — это так ужасно. Затем — криминальные вопросы меня всегда глубоко интересовали, но только в той их части, где происходило построение умозаключений и предпосылок на основах чистой логики. Сама возня с преступниками, слежка и прочее мне всегда были противны.

Кросс улыбнулся.

— Когда-то герой Конан-Дойля, Шерлок Холмс, не брезговал и сам бегать за преступниками, хотя вечно мучил своего верного Ричарда, доктора Ватсона, своими логическими чудесами и говорил ему, что его интересует только логика, процесс мышления. Когда я жил в Петербурге, я участвовал в раскрытии ряда дел и обо мне с благодарностью упоминает в своих записках знаменитый Кошко.

Ну, вот, — продолжал, о чем-то подумав, Кросс. — Но в данном случае, где дело касается нашего друга, я готов даже на преследование и поиск преступников. Задача выяснить убийцу, найти его, запутать в сеть, уличить, привести к сознанию — меня глубоко заинтересовала, мало того — буквально захватила. Я найду ее, эту женщину, я заставлю ее сознаться, а там дело ваше, Андрей. Выдавайте ее полиции, арестовывайте, судите — делайте то, что подскажет вам совесть. Я же ставлю себе только математическую задачу, которую и постараюсь решить. Должен сознаться, что в моих руках мало отправных точек, но все же они есть.... Хотите быть моим помощником в этом деле, Андрей?

— Ну конечно, согласен, Симон! Я готов всего себя отдать этому делу! — горячо воскликнул Горин.

ГЛАВА 6

В КАФЕ «ДИ-ДИ» И В КАБАРЕ «РАМОНА»

Разговаривая, Горин и Кросс вышли на авеню Жоффри, на угол Кардинала Мерсье.

— Пойдемте-ка в кафе и обсудим план действий, — сказал Кросс.

Они вошли в кафе «Ди-Ди». Кросс заказал барышне две чашечки турецкого кофе и занял место в углу уютного очаровательного кафе.

— Что же в наших руках? — проговорил Кросс, задумчиво глядя на потолок и закуривая сигарету. — Надо сгруппировать данные. Убила, вероятно, женщина — раз. Убийство совершено, вероятно, на романтической почве — два. И только... Притом все — «вероятно» и «вероятно»... ничего верного. Но будем исходить хотя бы из этого. Лучшее средство узнать о романах Лямина — это, пожалуй, поговорить с женщиной, с которой он был близок за последнее время. Обычно, даже закончив любовный роман, женщина еще долго интересуется новыми похождениями бывшего друга. Она всегда в курсе его дел. Я не думаю, что мы сделаем ошибку, если начнем наши расследования именно таким образом.

— Но с кого начать? — спросил Горин.

— С кого? Вы помните ту блондинку, которой Лямин так увлекался? Помните, мы еще видели их однажды в «Сиресе»? Затем как-то раз, еще раньше, они катались на катере по Вампу. Помните?

— Ей-Богу, не помню. У Лямина было столько романов и я так мало следил за этим... Право, я не помню, о какой блондинке вы говорите. Я знал только двух его случайных подруг, но давно потерял их из вида. Одна уехала из Шанхая уже давно.

— Ну, не важно... зато я помню. Эта блондинка, русская, служила в одном из магазинов на авеню Жоффри продавщицей. Недавно приятели затащили меня в кабаре «Рамона».

Среди партнерш для танцев я увидел блондинку Лямина. Я спросил ее, как она сюда попала. Она ответила с вызывающим видом, что это не мое дело. Потом добавила резким тоном: «Если хотите знать — спросите своего друга Лямина». Что она хотела этим сказать, — я не представляю себе: тогда это было не безразлично и я не стал ее расспрашивать. Теперь, вспоминая эту фразу, я думаю, что мы поступим правильно, если расспросим блондинку. Авань, какую-нибудь нить и поймает. Как вы думаете?

— Ну, что ж. Поедем в «Рамону» ловить эту вашу блондинку, — сказал Горин. — Когда?

— Сегодня же, — ответил Кросс. — Не нужно откладывать дела в долгий ящик. Встретимся, поужинаем — и в «Рамону». Идет?

* * *

Горин и Кросс шли по одной из маленьких улочек, примыкающих к авеню Жоффр, той походкой, которой обычно идут люди, никуда не спешащие, не связанные деловой суетой большого города.

Они шли и оба думали об одном и том же.

Этот большой город... Это было так недавно, совсем недавно — только месяцы тому назад. Словно какой-то вихрь закрутил все вокруг, перемешал, перепутал в какой-то дьявольской свистопляске. В те дни Шанхай был страшен и напоминал собою прифронтовые города во время Великой войны.

Аэропланы, бомбы, огонь тяжелой артиллерии, пулеметная трескотня, кровь, трупы, беженцы, болезни, нищета, горе, слезы.

И вот все это позади: Шанхай опять стал мирным, как будто ничего не произошло, как будто все это было в театре — словно только один поворот круга, на котором укреплен сцена и декорации, — и все стало другим.

Итак, они шли одной из грязных улочек Шанхая. Отвратительная от липкой грязи мостовая, галдящая толпа, лавчонки и миллионы запахов, в большинстве очень скверных. И, несмотря на это, — какая-то особенная прелесть, особенное очарование, свойственное только Востоку, то очарование, которое создают мирные буколические картины жизни китайского города.

Вот вокруг большого глиняного горшка сидит компания бронзовых, мускулистых кули и с аппетитом поедает лапшу, которая своим видом и запахом отнюдь не напоминает очаровательную итальянскую спагетти.

Маленькая китайночка выбирает себе на платье из груды свернутых в куски материй — зеленых, розовых, красных, лиловых.

Жалобно завывая, идет слепой, неуверенно и робко нащупывая дорогу палкой.

В окне небольшого магазина выставлен аквариум — и прямо на прохожих плят немигающие глаза странные, дикий рыбы — такие, каких нигде не увидеть в мире, кроме Китая.

В другой витрине — самые удивительные вазы, статуэтки, посуда. Прохожего поражает ажурная работа, бездна вкуса, кропотливость и терпение китайского художника-мастера.

Очаровательная китайка — стройная, легкая, гибкая, изящная — плывет мимо, словно не двигая ногами, и загадочно мерцают ее странные, узкие, прекрасные глаза, с которыми прохожий (а может быть, и не случайно) встречается своими любознательными глазами.

Важно надувшись, плавно раскачивается китайский богач. Заплывшая жиром физиономия, шелковый голубой халат, трясущийся, как желе, живот, надменный взгляд. Возле него, подобострастно семеня и едва не приседая, юлит слуга, нагруженный покупками.

И над всем эти — типичный шум большого китайского города, сложенный из гортанных выкриков, свистков, звонов, барабанного боя, диких завываний уличных продавцов.

И над всем этим — миллион запахов: с мостовой, от толпы, из открытых дверей магазинов, лавок, столовок.

И над всем этим — своеобразное очарование, сознание, что это город мирного труда, что ЭТИ люди — самые мирные, незлобивые, простодушные, которым так немного, так удивительно немного нужно в жизни.

Горин и Кросс — оба в легких костюмах, без шляп — подошли к кабаре.

— Итак. Андрей, мы на месте. Начинаем.

— Я сказал, Симон, что я готов на все. Начинаем.

Они вошли в зал кабаре и заняли один из столиков.

Зал был переполнен. Гул голосов, смех, восклицания, шарканье ног.

Дамы, партнерши для танцев, коммерсанты, спекулянты, офицеры пехотных частей, какие-то юноши, больше похожие на переодетых девиц, с манерами томными и кокетливыми, три-четыре боксера-профессионала, два русских князя и баронесса, известный шанхайский миллионер, несколько служащих муниципалитетов, известный киноактер, случайно попавший в Шанхай французский писатель, журналисты, очаровательные китайки — из большого китайского театра. Международный, многоязычный, интернациональный, шумный Шанхай.

Пары танцующих кружились под томную мелодию. Плавно скользя по полированному полу, они казались нереальными, словно прозрачными, словно персонажами из какой-то диковинной сказки.

Кокетливо наряженная, сильно нарумяненная и подведенная партнерша подбежала к столику и ласково защебетала:

— Алло, мистер Горин! Как давно, давно вы у нас не были! А как история с убийством? Вот ужас! Бедный Виктор Николаевич! Он был такой симпатичный. Он такой щедрый. И вот — смерть. Нас тут уже допрашивал один детектив: не знаем ли мы, с кем из дам бывал здесь Виктор Николаевич, за кем ухаживал, как и что... Но мы, конечно, ничего не знаем. Виктор Николаевич за всеми понемножку ухаживал и дамы с ним бывали разные.

Она хотела продолжать свою болтовню, заметно возбужденная вином, но Кросс остановил ее движением руки.

— Подождите, подождите. Что это вы на нас набросились с этим убийством. Мы пришли веселиться, а не слушать такие мрачные вещи. Закажите-ка нам лучше виски-сода.

Девушка что-то хотела сказать, но раздумала, надулась и исчезла.

— Как имя вашей блондинки? — спросил Горин. — Покажите ее мне.

— Ее зовут, кажется, Ира, — ответил Кросс. — Но я что-то ее не вижу.

Оркестр закончил мелодию бурным аккордом. Зал ярко осветился и пары, шумно перекликаясь едва ли не на всех языках мира, разошлись по своим столикам. В углу выпивший юноша весело распевал какие-то куплеты. Кто-то отчаянно стучал стаканом о бутылку.

Рядом, за соседним столиком, пожилой господин южно-американского типа тянулся через стол к молоденькой даме, а она манерно смеялась и кокетливо хлопала собеседника веером по руке.

В дверях, ведущих в коридор, показалась стройная женская фигура. Кросс схватил Горина за руку.

— Вот она... вот наша блондинка.

ГЛАВА 7

БЛОНДИНКА В ИЗУМРУДНОМ ПЛАТЬЕ

— Пригласите ее танцевать, — сказал Кросс. — Поговорите с ней, развлеките ее. Не дайте ей сообразить, зачем мы сюда пришли, а потому — ни слова ни об убийстве, ни о Лямине. Я не покажусь ей сначала. Когда будут танцевать и уменьшат свет, я пройду в тот конец зала, где сидит мой знакомый. А вы пригласите ее и угостите всем, что она захочет. Не будем стесняться сегодня в расходах. Необходимо ее подпоить. Конечно, этот способ не особенно красив, — но... цель оправдывает средства. Понятно? Потом, через некоторое время, я подойду к вам и предоставьте мне действовать. Сделайте все это осторожно. Польстите ей, что она вам очень нравится, или что-нибудь в этом роде. Женщины любят такие вещи. Впрочем, вы ведь умеете ухаживать. Итак, за дело. Сейчас играет оркестр.

Томная мелодия блюсса наполнила зал, который погрузился в приятную полутьму.

Смутно белели пятна лиц. Огненные язычки под кофейниками казались в полумраке светлячками. Мелькали прически дам, их оголенные руки и спины, лица мужчин — возбужденные, сосредоточенные, лица женщин — загадочные, влекущие.

Мужчины властно склонялись к своим партнершам, сжимая их талии. Женщины покорно подчинялись каждому движению, казались зачарованными ритмом, мелодией и быстрой сменой освещения.

Вся эта толпа, возбужденная вином, флиртом, музыкой, обстановкой, игрой нескромных взглядов, смехом, шутками, — забыла, что завтра — снова серый день забот и тяжелой борьбы за право жить.

Среди возбуждающей обстановки — искусственно подогреваемой, бьющей по нервам и чувственности, души этих людей получали минутное, обманчивое, эфемерное успо-

коение, похожее на действие наркотиков.

Пряные мелодии сменяли друг друга, будя забытые среди дневных забот желания, воскрешая потерянные памятью образы, рисуя яркие, пестрые, как шаль цыганки, картины.

Мелькало в полумраке алебастровое тело женщины — грудь, спина, руки, обнаженные, выставленные напоказ. К нему стремились взгляды мужчин — быстрые, брошенные украдкой, как бы случайно, или откровенно наглые, присасывающиеся, липкие.

И третий союзник возбуждения присоединился к музыке и женскому телу — вино.

Искрящееся, холодное и горячее, крепкое и слабое, всех цветов и оттенков, всех марок и всех стран, оно било в голову, туманило рассудок, будило дерзость, повышало тонус души и тела, делало недоступное — доступным, аморальное — дозволенным и желанным.

Так думал Горин, невольно прикованный глазами к хороводу прижавшихся друг к другу и плавно скользящих мужчин и женщин.

Его потянуло в этот хоровод и он вспомнил о своей задаче. Он огляделся и сразу увидел блондинку. Она сидела за свободным столиком и пудрилась. Она чуть опиралась на спинку стула, полузакрыв глаза, странно безучастная ко всему окружающему.

Горин подошел к ней с развязным видом профессионального кутилы.

— Вы позволите вас пригласить? — спросил он, смотря ей прямо в лицо.

Она посмотрела на его быстрым взглядом, молча кивнула и привычным, заученным движением положила свою руку на его плечо. Они плавно вошли в круг танцующих.

Она танцевала легко, свободно, очень изящно. Под своей рукой Горин чувствовал гибкое, сильное, молодое тело, которое казалось обнаженным — до того тонко, неощутимо было воздушное изумрудного цвета платье, которое плотно облегло девушку и необыкновенно гармонировало своими зелеными складками с нежным овалом ее лица, свет-

лыми, пушистыми волосами и зелено-серыми глазами.

Горин невольно подумал, что сказать ей комплимент — задача совсем несложная.

— Я не видел здесь вас раньше.

— Я здесь недавно, — ответила она и Горин вдруг уловил чуть заметный запах спирта

Он посмотрел на нее внимательнее и только теперь понял, что она слегка пьяна.

— Простите меня, — продолжал он, склонившись к ней и сжав ее руки. — Я так просто бесцеремонно подошел к вам...

Она улыбнулась.

— Что ж тут особенного?

— В вас есть какое-то особенное очарование, особенная грация, изящество.

— Я здесь недавно, но не было вечера, чтобы мне не говорили того же, что и вы сейчас. По-видимому, у вас, у мужчин, общая манера заводить знакомство.

«Ого, — подумал Горин. — Она презлая! Это интересно! Уж не она ли расправилась с Ляминим?»

— Мы так мало знакомы с вами, — начал он снова, — что трудно сразу найти тему для разговора.

— А потому, — живо перебила она, — вы сразу начали с комплиментов. Видимо, это легче всего?

— Поверьте, что я искренне сказал вам, что о вас думаю. Я готов повторить вам...

— О, не повторяйте: я запомнила! Особенное очарование, особенная грация и т. д.

— Поверьте...

— Охотно верю, тем более, что мне это безразлично.

Горин прикусил губу.

Оркестр замолк. Блондинка прошла к своему столику. Горин не оставил ее и задержался у столика.

Она насмешливо посмотрела на него.

— Из своей обычной программы ухаживания за кабарежными партнершами для танцев вы упустили спросить, как меня зовут. Не так ли? Запомните — Ира. Я заранее знаю каждый ваш вопрос.

С трудом беседа наладилась.

Ира зло высмеивала окружающую обстановку, гостей, партнерш для танцев. Горин оживленно возражал ей или соглашался.

Они протанцевали еще раз и Горин пригласил ее за свой столик.

— Конечно, я не откажусь. — ответила она. — Но — не сердитесь — совсем не потому, что вы так уж ослепительны, как, вероятно, о себе думаете — ведь правда? — и не потому, что я обязана это сделать по долгу своей службы. Так вот, совсем не по этим причинам. Просто мне нездоровится. Кроме того, откровенно говоря, я почти пьяна. Меня напоил предыдущий кавалер — какой-то аргентинец. Я вам буду даже благодарна, если вы освободите меня сегодня от дальнейшей работы. Мне так не хочется танцевать со всеми этими субъектами: они грубы, говорят всякие гадости, противны до тошноты. Итак, спасибо, идем к вашему столу. В благодарность за ваше милое приглашение, я обещаю, что не буду злиться и нападать на вас. Мне нужно сказать своей подруге и через две минуты я буду за вашим столиком! Хорошо?

Горин кивнул и было пошел от блондинки, но она удержала его за рукав.

— За то, что вы такой милый, — сказала она с насмешкой, — обещаю не делать большого счета, так что не бойтесь...

ГЛАВА 8

«Я РАССКАЖУ ВАМ ВСЕ...»

Горин вернулся за свой столик.

Кросс на секунду подошел к нему, вопросительно взглянув на молодого человека.

— Сейчас она придет, — сказал Горин.

Кросс одобрительно кивнул и скрылся.

Горин смотрел на огненную пляску Берты Червонной. Легкая рука легла на его плечо. Он быстро оглянулся.

— Видите, как быстро, — сказала блондинка в изумрудном платье.

Она смотрела теперь на него иначе, чем раньше. Не было той враждебности в глазах, которой она его встретила, она улыбалась просто, хорошо, без тени кокетства.

Горин с удовольствием отметил, что у нее удивительно красивые пальцы — длинные, музыкальные, гибкие. Без всякой манерности, просто и легко она села рядом с Гориным, приняв совершенно естественную и, вместе с тем, бессознательно грациозную позу. «Удивительно хороша!» — подумал Горин и спросил:

— Что мы будем пить?

Она усмехнулась.

— Конечно, шампанское. Мои благие намерения «не выставлять» вас, кажется, улетучиваются. Не знаю почему, но мне кажется, что вы будете исполнять все мои капризы. Вообще, вы мне почему-то понравились, хотя вашу манеру знакомиться даже с нами, с партнершами, я не могу назвать иначе, как глупой...

— Почему вы подчеркиваете — «даже с нами, с партнершами»? — спросил Горин.

— Да потому, что к нам отношение другое. Мы не дамы, мы — парии. Впрочем, оставим эту тему. Она достаточно избита. Поговорим о другом.

Принесли вино.

Ира сразу, до дна, выпила бокал искрящегося золота. Заметное возбуждение сразу овладело ею. Глаза заблестели, бледные щеки стали розовыми.

Пальцы нервно барабанили по столу в такт оркестру.

Ира облокотилась на стол и близко придвинула свое лицо к лицу Горина.

— Вероятно, вы думаете, что я пьяница? Даю вам слово, что выпила первый бокал в своей жизни всего месяца три тому назад.

Потом задумчиво и грустно добавила:

— Горе заставило... А теперь... а теперь идет как по маслу: пью каждый день, втянулась не могу без вина. Налейте, милый Дон Жуан, — напьюсь сегодня «вдребезги» — как у нас здесь любят говорить...

Горин налил шампанского.

Блондинка взяла бокал и, не выпив, поставила на стол. Ее глаза были устремлены куда-то мимо Горина.

Он оглянулся. Сзади стоял Кросс. Финн поклонился и с легкой улыбкой подошел к Ире.

— А, вот вы где, милое дитя. Я вас искал по всему залу. Вы позволите?

Подмигнув Горину, к которому относился этот вопрос, он присел к блондинке в изумрудном платье.

Она слегка отодвинулась, но постаралась кокетливо улыбнуться.

— Я так скромна и так мало интересна среди всех этих женщин, что меня, конечно, трудно найти сразу. Разве вы знакомы с господином... с господином...

Она вопросительно посмотрела на Горина.

— Гориным, — подсказал он.

— Да, конечно, — ответил Кросс. — Мы друзья и приехали сюда вместе. Он очень способный молодой человек: пока я разговаривал со своими знакомыми, он успел выбрать из всего зала самый очаровательный и душистый цветок и посадил его у нашего столика. Ира, вы очаровательны.

— Ничего подобного, — засмеялась она. — Посмотрите лучше кругом. Видите, какой цветник.

Она сделала движение рукой, как бы обнимая зал.

— Я далек от того, чтобы согласиться с вами, — ответил Кросс с усмешкой. — Когда мне говорят о красоте шанхайских дам, я всегда вспоминаю анекдот с турецким посланником при дворе Людовика XV. Посла спросили, что он скажет о красоте придворных дам. «Ничего не могу сказать, — ответил турок. — Я не знаток в живописи».

— Но ведь я тоже из этих дам, — ответила со смехом Ира.

— Вы — счастливое исключение! — живо возразил Кросс. — Вы — сама непосредственность, вы свежи, юны, прекрасны. Я думаю, что только какое-нибудь особенное событие заставило вас поступить сюда. Я почти уверен, что вы здесь служите по вине нашего общего друга Лямина.

Блондинка в изумрудном платье сделала резкое движение рукой и разлила вино по скатерти.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнула она, побледнев и расширив глаза.

— Ничего особенного, — невозмутимо ответил Кросс. — В прошлый раз, когда я спросил вас, как вы сюда попали, вы советовали мне обратиться за справками к Лямину. Но — увы Лямин убит, а мой вопрос остался без ответа.

Кросс показал на Горина и проговорил:

— Милая Ира! Я и мой друг Горин — были привязаны к Лямину, любили его и хотим раскрыть тайну его смерти. Я чувствую, что вы что-то знаете о Лямине, что ваша судьба была крепко связана с его судьбой. Я чувствую это. Помогите нам! Помните, что мы не сыщики, не полиция, искренне расположены к вам и никакого вреда вам не сделаем. Верьте нам. Я чувствую, что у вас много горечи на душе и горечь эту вам некому поведать. Расскажите нам все...

Горин с удивлением смотрел на Красса.

Он никогда не подозревал, что этот сухой человек способен говорить так искренне, с таким подъемом, так тепло. Особенная, внутренняя, гипнотизирующая сила чувствовалась в его словах.

Кросс пристально смотрел на блондинку в изумрудном платье. Она медленно, с трудом подняла голову. Какая-то

борьба происходила в ее душе. Она подумала и сказала протяжно:

— Вы — друзья Лямина? Вы были привязаны к нему? А все ли вы знаете о нем? Знаете ли вы этого человека?

Затем, вздернув головой, встряхнув копной белокурых волос, она бросила с вызовом:

— Хорошо. Я расскажу вам все...

ГЛАВА 9

МЕЩАНСКИЙ РОМАН

Блондинка в изумрудном платье широко открыла глаза — сразу потускневшие после недавнего возбуждения — и задумалась.

Казалось, цепь событий пронеслась мимо нее, картины одна за другой возникали в ее голове и исчезали, как призрачные тени на экране кино.

Она вздохнула, пожала плечами, отвечая на какую-то свою скрытую мысль и медленно, с остановками, начала свою повесть.

— Я служила в маленьком галантерейном магазине на авеню Жоффр. Безрадостная эта служба в Шанхае, полная нервного напряжения, суеты и тяжелой работы.

С утра до вечера магазин наполняет шанхайская толпа, требовательная, надоедливая, эгоистичная, вечно куда-то спешащая, грубая. Дамы изводят своими капризами, своими дикими выходками, своей суетливостью. А мужчины — приставанием.

Боже мой! Если бы вы знали, как противны эти ловеласы, считающие, что нет легче победы, как среди продавщиц, кельнерш, модисток, горничных, шляпниц. Эти господа смотрят на таких женщин, как на рабынь, которые, чтобы получить несколько грошей в дополнение к своему нищенскому бюджету, готовы подставить свое тело первому встречному.

Эти господа приходят в магазин, тратят на что-нибудь двутривенный, отнимают у вас полчаса на разговоры, смотрят на вас глазами сатира, стараются прикоснуться к вам или сказать пошлый комплимент.

Нет, теперь я убедилась, что даже в кабаке лучше! Эти пьяные, все эти прожигатели жизни, которые являются сюда, — они честнее тех отвратительных животных, с которыми мне приходилось разговаривать каждый день. Эти хоть

откровенны и просто и ясно, не прикрываясь красивыми словами, говорят вам, что им нужно.

А те... Когда мы, продавщицы, выходили после тяжелого изнурительного дня скучной неинтересной работы на улицу, нас уже ждали. Эти господа назойливо лезли к нам знакомиться, предлагая нам поехать ужинать, предлагали нам прогулку в авто.

Ну, что ж? Многие из нас ездили с ними, пытаясь забыть жестокую жизнь, которая почти ко всем из нас была жестокой мачехой. О, как я ненавидела этих милых господ, этих орангутангов с цветком в петлице (обязательно!) и с блудливым видом похотливых сатиров!

Я была молода, достаточно интеллигентна, много читала и, конечно, меня тянуло с кем-то поговорить. Поделиться мыслями. Меня тянуло к молодежи, конечно, я думала и о том, чтобы устроить свою судьбу и соединить ее когда-нибудь с любимым. Я не прочь была и от приличного флирта, который, может быть, перешел бы в любовь.

Каждая девушка мечтает об этом — и разве это неестественно?

Одним словом, я была настроена идеалистически и, как все девушки, мало знала жизнь. Однако, у меня хватало опыта, чтобы двумя-тремя словами отделяться от уличных приставаний.

В магазине мне приходилось быть любезной и приветливой со всеми, потому что мое время, руки, даже мысли были куплены. Зато на улице я принадлежала себе и могла отвечать на все приставания так, как они этого заслуживали.

Мало-помалу, я добилась того, что получила название недотроги. Меня оставили в покое, — и, по крайней мере, те, кто был известен среди служащих девушек, как профессиональные ловеласы с авеню Жоффр. Я стала пользоваться даже среди самой распушенной молодежи некоторым уважением, как воплощенная невинность и святость. Да, да, так мне говорили все.

Какой-то остряк назвал меня «Шанхайской сенсацией» и сказал, что я, вероятно, единственная, из-за которой львы

Гонконг-Шанхайского банка на Банде могли бы изменить своему вечному покою и встать со своего места. Вы знаете, конечно, эту шанхайскую шутку со львами?

Ну, вот. Название шанхайской сенсации прилепилось ко мне и меня иначе уже не называли. Вы, может быть, не поверите, но я знаю случаи, когда в магазин приходили, чтобы посмотреть на меня — на девушку, которая так необыкновенно строга и нравственна.

Некоторое время тому назад, как-то перед закрытием магазина, вошли два господина. Один из них сразу приковал мое внимание. Это был брюнет средних лет, прекрасно одетый, с барскими манерами, вежливый, надушенный.

Другой с более прозаической внешностью что-то покупал и разговаривал со мною. Брюнет молчал и смотрел на меня. Я невольно сконфузилась.

Тогда брюнет сказал своему спутнику: «Ты надоел барышне. Кончай покупки — и идем».

Они ушли, а на следующий день я встретила брюнета на улице, когда шла на службу. Часа через два он появился в магазине и направился прямо ко мне. Он покупал какую-то мелочь, не переставая смотреть на меня. Что-то необычайное было в его взгляде, но вел он себя вполне прилично.

У меня не было причины говорить с ним резко, хотя резко, хотя смутное недовольство бродило во мне, вызванное его назойливым взглядом.

На следующий день я получила от него письмо, в котором он говорил, что очень заинтересован мною, что в моем лице есть что-то необыкновенное и так далее. Когда я вспоминаю это письмо теперь, мне кажется диким, как я могла так легкомысленно, так безрассудно поверить каждой строчке, каждому слову.

Письмо было написано умело, насыщено красивыми фразами и поэтическими образами. Он жаловался на одиночество, на серую, скучную жизнь, на отсутствие человека, с которым он мог бы делиться своими мыслями, на усталость жить.

В конце письма он говорил, что у него нет никаких скрытых мыслей, что намерения его чисты и благородны и я

могу им вполне верить. Он приглашал меня прийти вечером в кино «Нанкин». Письмо было подписано: В. Лямин.

Как все это было трафаретно, банально! Но тогда я была так наивна, мне так хотелось беседы, хорошей, чистой беседы. Я долго думала, несколько раз меняла решения — и все же пошла на свидание.

Кто и за что осудит меня?

ГЛАВА 10

ЦИНИЧНОЕ ПАРИ

Блондинка с вызовом посмотрела на своих слушателей.

Кросс угрюмо слушал эту повесть, сгорбившись и скрестив руки на груди. Горин беспокойно смотрел на блондинку. Он чувствовал, что она враждебно настроена к покойному Лямину и ждал, что Ира откроет какие-то новые, закулисные стороны жизни Лямина.

Ему было неприятно, что его любовь и уважение к Лямину могут быть поколеблены этим рассказом.

Горин поймал себя на том, что искренность этой женщины невольно подкупает его и образ его покойного друга начинает приобретать какие-то новые, незнакомые и неприятные черты.

Он знал, что Лямин вел рассеянный образ жизни, но всегда считал его образцом порядочности и джентльменства. В тоне блондинки ярко сквозили ненависть и презрение — они нарастали крещендо и должны были вылиться в каком-то взрыве, в каком-то ужасном финале рассказа.

И Горин со страхом ждал этого финала, так как верил блондинке и понимал, что от нее теперь зависит восстановить или окончательно рассеять бледнеющий ореол убитого друга.

— Простите меня, — продолжала блондинка, — за мой бессвязный рассказ: я пьяна, совсем пьяна — от вина и воспоминаний. Может быть, я наскучила вам? Кому интересны эти воспоминания? Кому интересно слушать о таком скучном мещанском романе? Ах, вы считаете, что не скучно? Ну хорошо, я продолжаю.

Я подошла к «Нанкину», в котором мы должны были встретиться, и остановилась с бьющимся сердцем, думая — войти или не войти? Чем я рискую? Ничем! Всегда можно найти пути к отступлению.

Я вошла — Лямин ждал меня с билетами. Он подошел ко мне со своей чарующей улыбкой, поздоровался, назвав свою фамилию, — и через четверть часа я чувствовала себя с ним вполне свободно, как будто мы были знакомы годы.

Он обладал необыкновенной способностью расположить в свою пользу. Он подкупал искренностью, задушевностью, чуткостью. Я никогда не была так весела и оживлена, как в этот вечер.

На экране шла какая-то американская драма, но мы почти не обращали внимания на картину. Около нас было пусто и мы, никому не мешая, могли разговаривать.

Лямин живо, остроумно, весело рассказывал о своих многочисленных заграничных поездках, о житейских впечатлениях и встречах. Я не могла оторваться от его лица, — смутного, живого при свете и бледного, таинственного, когда потушили электричество.

Его глаза блестели в полумраке, тонкие пальцы нервно комкали кинопрограмму. Он был насыщен силой, жизнью, странным обаянием. Я чувствовала, что бесповоротно увлеклась им, сразу, с первого вечера знакомства.

Сеанс кончился и мы пошли к выходу из кино. И здесь, в фойе, я получила первое предостережение, первую угрозу, которых тогда не поняла и не приняла на свой счет.

К Лямину подошел пьяный господин. В нем я узнала того покупателя, с которым Лямин пришел впервые в магазин, где я служила. Этот человек приблизился с хитрой, противной улыбкой, притронулся небрежно к шляпе и, глядя на меня, сказал Лямину:

— Поздравляю, поздравляю, Виктор Николаевич, ты энергично взялся за дело. Я, кажется, почти проиграл... Поздравляю...

Лямин надменно посмотрел на него и сухо проговорил:

— Я вас не понимаю... О чем вы говорите?

— Не понимаешь?

Пьяный грубо, нагло рассмеялся.

Лямин быстро взял меня под руку и мы вышли на улицу.

— Пьяный дурак! — пробормотал он и сейчас же извинился передо мною за эти слова и, вообще, за всю сцену с

пьяным в кино.

Мы стали встречаться с Ляминым каждый вечер.

Я боялась за свою репутацию недотроги и «шанхайской сенсации», а потому наши встречи обставлялись тайной по мере возможности.

Легко предсказать, к чему мог привести такой роман между неопытной, идеалистически настроенной девушкой и таким блестящим, опытным и интересным человеком, каким был Лямин. История старая, как мир. Я отдалась ему...

Не стану говорить об этом...

Потом встречи... встречи, свидания, любовный угар. «Фаррей», «Сирос», танцы на крыше «Парк-отеля», «Аркадия», «Ди-Ди», «Катэй-тауэр», «Амбассадор» и так далее.

Я забыла свою репутацию недотроги, «шанхайской сенсации», я не боялась уже сплетен и гордо появлялась с Ляминым в опере, в кино, дансингах и ресторанах.

В магазине, где я служила, меня встречали с насмешливыми улыбочками, значение которых разгадать было трудно. Люди счастливы, когда кто-нибудь поскользнется и полетит в тину, в которой сидят и они сами. Теперь на меня смотрели легко, возобновили приставания.

Ореол «сенсации» рассеялся навсегда.

Как-то раз ко мне пристал тот субъект, который пришел впервые с Ляминым и магазин, а потом вязался к Лямину в «Нанкине»,

Он был опять пьян и делал мне гадкие предложения. Я наговорила ему дерзостей. Тогда, со злой усмешечкой, он вытащил из кармана какую-то бумажку, протянул ее мне и сказал:

— На днях мы кутили с Ляминым и я заплатил ему ту сумму, которую проиграл. Мои пьяные приятели развеселились и заставили Лямина выдать мне расписку в получении денег. Не желаете ли прочесть?

Я машинально взяла эту бумажку, а он ушел с довольной улыбкой.

Я ношу эту записку с собою всегда, как первый страшный урок, полученный мною в жизни. Вот она — прочтите.

Блондинка в изумрудном платье вынула из сумочки смятую бумажку и протянула ее Кроссу и они прочли:

«Настоящее пари заключено между В. Н. Ляминым и К. С. Галлом в том, что Лямин обязуется в течение месяца с сего дня овладеть девицей, известной всем свидетелям пари под кличкой “сенсация”. Пари заключено на 200 долларов».

Дальше следовали подписи Лямина, Галла и свидетелей. Ниже стояла приписка:

«По представлении В. Н. Ляминым всех неопровержимых доказательств, жюри признало, что пари выиграно им, а потому К. С. Галл повинен уплатить В. Н. Лямину 200 долларов».

Еще ниже стояла подпись Лямина под текстом расписки в получении 200 долларов.

ГЛАВА 11

ПОСЛЕ УГАРА

Горин с ужасом прочел бумажку.

Сомнений не было: подпись и приписка к этому отвратительному, циничному, ужасному документу были сделаны рукою Лямина.

Волна возмущения, гнева, презрения овладела Гориним и он поймал себя на мысли, что в душе обозвал покойного друга подлецом.

Кросс равнодушно, спокойно изучал бумажку, прищурив глаза.

Блондинка закрыла лицо руками и с минуту сидела неподвижно, снова переживая отвратительное оскорбление.

Потом приложила платок к глазам и полушепотом, с глубокой горечью в голосе продолжала:

— Как описать вам мое состояние, когда я прочла эту бумажку? Я стояла на улице, прислонясь к стене какого-то дома.

Кругом гудел город, огромный город с миллионным разноразличным населением. Шныряли автомобили, суетились прохожие, занятые своими делами. Толпа... бездушная, холодная, жестокая толпа...

Кому интересна была трагедия, которая так внезапно разразилась надо мной? Кому интересно было, что целый океан горя, отчаяния и обиды обрушился на меня, затопив мою душу, закрыв от меня солнечный свет и все радости жизни?

Так нагло, так бессердечно и гнусно растоптать мое первое чувство, так обмануть, так надсмеяться — подло, низко...

Я стояла на улице и неподвижно смотрела куда-то в одну точку. Я не могла ждать сочувствия. В этом огромном городе — кто мог пожалеть меня? Вероятно, каждый сказал бы мне, что такие драмы здесь случаются по несколько раз

в день и что ничего особенного со мной не случилось.

Нет, меня могли только осудить, только оплевать. Я была одна, одна в целом мире. Я поплелась к себе домой, разбитая, больная.

В тот же день я написала записку Лямину, в которой общала ему, что все знаю, что убью его, если он посмеет показаться мне на глаза, и назвала его поступок так, как он этого заслуживал.

Через несколько дней я встретила его на улице. Лямин увидел меня — и быстро перешел на другую сторону улицы. Подлый трус! Он испугался объяснений... может быть, подумал, что я его оболую серной кислотой...

Вместе с гневом на меня вдруг напал смех, истерический, бешеный смех. Он, мой любовник, прячется, бежит от меня! Эта мысль в ту минуту мне показалась необыкновенно смешной.

Хохоча, не в силах побороть этот дикий, больной смех, я бросилась домой, свалилась на кровать, корчась от хохота. Я очнулась в госпитале через неделю: организм победил нервное потрясение.

Потом... потом определились последствия романа... Я не хотела из гордости обращаться к этому подлецу за помощью.

Я заняла деньги и сделала необходимую — такую унизительную, такую страшную — операцию. В обстановке полной тайны, в ужасных условиях, в примитивной домашней «лечебнице». Но я осталась жива, как видите.

Я вышла на улицу и первый вопрос, который я себе задала, был: что делать? Из магазина меня выгнали, куда же теперь обратиться? Я — беженка, в Шанхае у меня никого нет, родители остались в СССР.

Нужно было не только жить — нужно было платить долги.

Я стала искать службу.

Вы знаете, что такое искать службу в Шанхае? Я обходила систематически все магазины, все конторы, все учреждения — и всюду натывалась на отказ, а кое-где и на гнусные предложения.

Разбитая морально и физически, я уже подумывала о самоубийстве, когда кто-то дал мне мысль поступить в кабаре партнершей для танцев.

У меня не было сил бороться, рассуждать, я была раздавлена — и я пошла служить в один ресторанчик на авеню Жоффр. Я имела успех.

Потом... потом — среда, жизнь ночная, люди... ах, эти люди! Я стала пить, опускаться... Это пошло быстро, необыкновенно быстро.

Из простой кельнерши в ресторанчике я сумела быстро попасть, так сказать, в «примадонны», стала партнершей для танцев в этом хорошем кабаре. И вот я здесь.

Я не стану говорить об этой жизни — вы сами ее знаете. Я расскажу лишь о том, как встретила здесь Лямина...

ГЛАВА 11

КРИК О МЕСТИ

Блондинка подумала, что-то вспоминая, потом продолжала:

— Эта встреча произошла за несколько дней до убийства Лямина. Я увидела его сразу, как только он вошел в зал своей небрежной, так хорошо знакомой мне походкой. Лямин был не один. Он сопровождал прекрасно одетую, изящную даму.

Они сели в конце зала и Лямин что-то заказал. Я была в состоянии, которое по вечерам теперь для меня обычно — я была пьяна. Мне захотелось вдруг подойти к Лямину, сказать ему что-нибудь резкое. Меня тянуло рассмотреть его даму, сказать ей, кто такой ее кавалер.

Я подошла к ним, когда начался фокстрот и стало темнее, остановилась и стала пристально смотреть на даму.

Она была очень хороша, хотя, несомненно, не молода. Смуглая, яркая брюнетка, с удивительно тонким и нежным лицом. У меня было к ней какое-то смешанное чувство. Мне было почему-то жаль ее. Но... как ни странно после поступка Лямина, к этому чувству жалости примешивалась зависть и, пожалуй, ревность.

Я даже подумала тогда, не продолжаю ли любить Лямина. Но сейчас же отбросила эту мысль и быстро приблизилась к столику. Я стояла за спиной Лямина, так что он сначала не видел меня. Его дама с живым любопытством смотрела на меня. Я намеренно развязно коснулась плеча Лямина. Он быстро обернулся и смертельно побледнел.

— Что? Что вам угодно?

Его растерянность развеселила меня.

Мне захотелось сказать ему все, что накипело в душе, захотелось крика, шума, скандала, захотелось, чтобы весь этот зал узнал, кто такой Лямин.

— Что мне угодно? Немного... я подошла к вам только для того, чтобы сказать вам, господин Лямин, чтобы сказать вам, Виктор Николаевич, что вы совратитель девушек, подлец и негодяй! Больше мне ничего от вас не нужно.

Лямин вскочил и сказал своей даме, что он не может сидеть в кабаре, где его оскорбляют пьяные кельнерши.

Это было жалко, противно и смешно при его эlegantности и шарме. Я хотела было уже шлепнуть его по физиономии, близкая к истерике, но неожиданно вмешалась дама.

— Ты можешь идти, Виктор, но я остаюсь. Мне здесь нравится. Очень нравится...

Несмотря на свое состояние, я была поражена этим спокойным, холодным заявлением. Ни тени волнения, испуга или возмущения не было на прекрасном лице дамы.

Она с любопытством и совершенно хладнокровно смотрела то на меня, то на Лямина, продолжая снимать изящными пальцами кожуру с апельсина, чем была занята в ту минуту, когда я подошла к их столику.

Лямин что-то растерянно пробурчал и быстро пошел к выходу из зала. Дама ласково улыбнулась мне и сказала:

— Садитесь со мной и расскажите, почему вы называли моего спутника подлецом?

Она говорила по-русски вполне правильно и свободно, но мне показалось, что какой-то едва уловимый акцент у нее есть.

Я села напротив ее и была в таком повышенном настроении, что очень скоро решилась и рассказала этой совершенно незнакомой женщине историю своих отношений с Ляминным. Она спокойно выслушала меня и, вздохнув, сказала:

— Да... мелкий, жалкий человек...

И вдруг, неожиданно вспыхнув, загоревшись гневом, она вскочила, потребовала счет, бросила на стол деньги и почти крикнула:

— Довольно! Он получит по заслугам! Я отомщу ему... за все, за все!

Потом сразу у гасла, задумалась, морща брови.

Кивнула мне и сказала:

— До свиданья. Ира... так, кажется, вы назвали себя? Вы еще обо мне услышите.

И быстро пошла к выходу.

* * *

— И больше вы ее не видели? — быстро спросил Кросс.

— Видела. — ответила блондинка в изумрудном платье.

— В котором часу произошло убийство?

— В 7 часов вечера.

— Так вот, — со странной улыбкой сказала блондинка.

— Если эта женщина сдержала свое слово, если Лямина убила именно она, то у нее очень крепкие нервы. Вчера около 10 часов ночи, то есть через три часа после убийства Лямина, она приехала сюда, танцевала здесь и веселилась до закрытия кабаре.

ГЛАВА 13

НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЛЕДИ Ю

Горин впервые за весь вечер увидел, что Кросс оживился.

Он подался вперед, насторожился, весь превратился в слух.

— С кем она была, эта дама? — спросил он блондинку.

— Ее окружало большое общество: две дамы и несколько мужчин. Некоторые из мужчин бывали здесь и раньше и, воспользовавшись удобным случаем, я спросила одного из них, моего знакомого, кто эта яркая брюнетка, которая сидела с ним и своей красотой затмевала всех в этом зале.

Он сказал:

— Собственно, я и сам не знаю толком, кто она. Кажется, она недавно приехала из Англии. Я познакомился с ней только сегодня. Очень эксцентричная особа. Мне сказали, что она чистокровная англичанка, прожившая часть своей жизни в России. Она настоящая суфражистка и пламенно отстаивает права женщин. Как-то вечером она много танцевала в Парк-отеле с моим приятелем и развивала феминистские идеи, отстаивала право женщин жить так, как им хочется. Мой приятель сказал, что, несмотря на свои передовые взгляды, она, как истинная англичанка, никогда не решится поехать кутить с малознакомой компанией. Она немедленно заявила, что не считает это шокингом и поедет куда угодно. Мало того, она сама пригласила моего приятеля кутить, но только тогда, когда будет соответствующее настроение. Сегодня она сдержала слово, сама заехала на автомобиле за моим приятелем, с помощью которого и была быстро организована эта теплая компания.

Я спросила, как зовут эту даму.

Он ответил: «Мы зовем ее леди Ю: она сама так называет себя в шутку. Она говорит, что ей идет это имя».

Он ушел. У меня не было особенных причин следить за этой женщиной. Ведь я еще не знала, что Лямин убит, о чем газеты сообщили только утром. Но все же мое внимание было странно приковано к тому столику, за которым она сидела.

Оттуда неслись шумные возгласы, смех, пение. Леди Ю громко смеялась, много танцевала, много пила. Все это я хорошо заметила. Ее возбужденное состояние бросилось мне в глаза, особенно при том внимании, которое я ей невольно уделяла.

Я пыталась заговорить с ней, но она так высокомерно встретила мою попытку, что мне пришлось ретироваться: леди и какая-то партнерша для танцев!..

Почему-то мне стало особенно обидно, больно за этот надменный тон, особенно при воспоминании о том ласковом внимании, о том участии, которые она проявила ко мне при первой встрече.

Конечно, я больше не подходила к ней, но несколько раз ловила ее быстрые и, как мне показалось, странно напряженные взгляды на меня: казалось, какая-то тайная мысль, тайная цель были у той женщины по отношению ко мне. Она следила за мной украдкой — я в этом уже не сомневалась.

Два раза, когда я проходила мимо столика этой дамы, я нарочно оборачивалась — и оба раза встречалась с ее глазами. Она сейчас же делала равнодушную мину, отворачивалась и обращалась к своим спутникам. Я не понимала, в чем дело, но всему этому не придавала особенного значения.

Только утром, когда я узнала из газет об убийстве Лямина, я снова пережила все свои предположения и мысли о странном поведении леди Ю. Наряду с деланным равнодушием, наряду с искусственным, сухим тоном, которым леди Ю оттолкнула меня, она проявляла ко мне несомненный интерес и почему-то следила за мной. Почему? Я вспомнила, как она была ласкова со мной, как близко приняла к сердцу мое горе, как приветливо мерцали ее прекрасные глаза, когда она расспрашивала меня о моем несчастном

романе с Ляминим. Это был первый человек, который пожалел меня и приласкал..

А мне это было так нужно...так страшно жить одной на всем свете, среди жестоких, бездушных людей, среди всех этих скотов и хамов. Я вся открылась ей, всю душу положила на столик, за которым она сидела.

Поверьте мне, что это было так искренне... ведь я так еще молода, я не видела материнской ласки и не знаю, что такое слово участия. И вдруг... ее резкий тон, презрительная, недоумевающая улыбка, когда я подошла к ней. Словно меня облили холодной водой. Я ушла из зала и зарыдала...

Потом подумала: «Что ж тут особенного: она дама общества, а мы... а ты партнерша для танцев, которую может облапить каждый матрос». Но потом ее поведение снова поразило меня и вся обида куда-то улетучилась. Она явно следила за мной. Но почему?

Почему?

ГЛАВА 14

ЛЕДИ Ю И «ГИК-СОЮЗ»

Леди Ю ушла из кабаре последней, вместе со всей своей компанией.

Случайно я стояла у выхода из кабаре, когда ее пьяная компания шумной гурьбой выходила на улицу. Англичанка прошла мимо меня, скользнув по мне равнодушным, неузнавающим взглядом. Я была поражена ее видом. При свете фонарей у входа она была похожа на труп.

Смертельная бледность покрывала ее лицо, оно было похоже на гипсовую маску своей неподвижностью. Глаза провалились, окруженные синими кругами.

Чуть подкрашенные губы на этой белой маске казались кровавой раной. Ей можно было дать 45-50 лет, это была старуха... да, старуха! Во всей ее фигуре была какая-то безнадёжность, надломленность, безумная усталость.

И это было так странно... и страшно видеть после того веселья, того подъема, которые кружили ее по залу в объятиях то одного, то другого кавалера, которые заставляли ее петь и веселиться, что я окаменела и неподвижно, не отрываясь, смотрела, как, согнувшись, сгорбившись, эта странная, старая женщина прошла к автомобилю, как-то оцупью, словно не видя, что вокруг нее, села а карету и уехала.

Я долго еще смотрела вслед исчезающему красному огоньку позади машины.

Сегодня утром я прочла в газетах, что Лямин убит — и первой моей мыслью было, что это сделала леди Ю.

А второй мыслью — жестокая радость, что я отомщена, что этот скверный человек получил по заслугам, что нашлась женщина, у которой хватило решимости и силы воли, чтобы уничтожить эту гадину.

Клянусь вам, что ни тени сожаления в не испытала при этом страшном известии: этот человек был слишком гадок,

подл, труслив и жалок, чтобы жалеть его.

Конечно, его убила леди Ю — такова была моя первая мысль. Но потом... потом появились сомнения.

Мне показалось диким, чтобы эта женщина могла сейчас же после убийства появиться в кабаре, пить, смеяться, танцевать.

Нет, нет... это не леди Ю! Не в человеческих силах кружиться, танцевать и петь, когда перед глазами стоит мертвое лицо человека, когда в ушах еще звенят последние его слова, а пальцы еще как будто сжимают рукоятку стилета... Нет, это не она, это не леди Ю...

Вот, господа, все, что я знаю об убийстве Лямина...

Блондинка в изумрудном платье замолчала и потянулась к вину.

Горин сидел подавленный, потрясенный этим рассказом. Теперь Лямин предстал перед ним совсем в другом виде — совсем не в том, в каком он привык его видеть. Это был дешевый сатир, человек с маленькой и пошленькой душой.

Горин с сожалением, охваченный волной горячего сочувствия, смотрел на эту маленькую блондинку, так жестоко заплатившую за свое доверие к этому отвратительному человеку.

Кросс молчал, сосредоточенно жевал сигарету.

Потом быстро наклонился к блондинке в изумрудном платье и быстро, отрывисто спросил:

— Где живет эта леди Ю?

Блондинка вздрогнула, пораженная этим неожиданным вопросом, этими холодными, мрачными глазами, которые уставились на нее.

— Я не хочу ей зла, — прошептала она. — Прошу вас — пощадите ее, не трогайте! Может быть, она уедет и все это останется тайной, загадкой навсегда... Может быть, она не виновна — зачем вы будете вмешивать ее в эту историю? Прошу вас...

— Мы должны узнать, кем и за что убит Лямин. Он наш друг, — сухо сказал Кросс. — Мы должны использовать для этого все. Это наш долг. Это наше право. И совсем не обя-

зательно наносить вред этой леди Ю.

Возможно, что именно в интересах нашего покойного друга будет скрыть все, что мы узнаем. Возможно также, что она не имеет к этому делу никакого отношения. Но мы должны познакомиться с нею и поговорить с нею. В этом деле много неясного... Где она живет, эта леди Ю?

— Я не знаю...

— Ира!

— Но клянусь вам, что я не знаю! Поверьте мне...

Кросс задумался.

Потом заговорил повелительным тоном:

— Я убежден, что если она еще не скрылась из Шанхая, то она придет сюда, в это кабаре, еще раз. Почему-то ее тянет к вам, ей еще захочется поговорить с вами. Вы сыграли какую-то фатальную роль в ее жизни. Она будет здесь.

И тогда... тогда обещайте, что вы позвоните мне по телефону. Вот вам номер. Вы слышите, Ира? Вы должны позвонить мне. Вы поможете нам, вы должны помочь нам во что бы то ни стало. Обещаете?

— Обещаю... — чуть слышно, уронив голову, проговорила блондинка в изумрудном платье.

— Итак, — облегченно вздохнув, сказав Кросс, — против леди Ю заключен союз «ГИК» — Горин — Ира — Кросс...

ГЛАВА 15

ДУША РОМАНТИКА

Прошло три дня. От блондинки не было никаких сведений. Справки во всех пароходных компаниях не дали ничего об отъезде кого-либо похожего на леди Ю. По-видимому, она оставалась в Шанхае.

Чем больше Горин думал об этой таинственной истории, тем больше находил в ней непонятного, странного и противоречивого.

Что заставило леди Ю убить Лямина, да и она ли совершила это убийство? Если убила она, то как могла эта загадочная женщина приехать в кабаре после убийства, танцевать и веселиться?

Почему он, Горин, никогда ничего не слышал от Лямина об этой леди Ю? Ведь что-то связывало их, что-то опутало их жизнь крепкой нитью... Правду ли говорила блондинка в изумрудном платье? Неужели только вино заставило ее развязать язык, говорить о самых интимных сторонах ее жизни им, Горину и Кроссу, малознакомым ей людям? Был ли здесь просто порыв, желание излить душу?

А что, если она ведет какую-то тонкую игру, и что, если весь этот рассказ — выдумка? Что, если этот рассказ — просто желание направить двух друзей по ложному следу?

Но, с другой стороны, сейчас же приходила мысль, что незачем ей было все это выдумывать: проще было отговориться незнанием или молчать.

Несмотря на все свои подозрения, создаваемые рассудком, Горин чувствовал, что всей душой верит блондинке. Слишком непосредственен был рассказ девушки. В словах маленькой, измученной блондинки звучала подлинная тоска, подлинное отчаяние.

Горин вспоминал ее лицо — и перед ним сейчас же всплывали большие, светлые, наивные глаза блондинки. Они не могли лгать, эти глаза, даже в той обстановке хмель-

ной вакханалии, на которую им приходилось смотреть каждую ночь. Блондинка говорила правду — значит, другая женщина убила Лямина.

Кто она?

Лицо блондинки в изумрудном платье бледнело, таяло. На его место выплывал другой образ — туманный, неопределенный, таинственный образ женщины, которая называла себя леди Ю. Он никогда не видел ее, но это не мешало его воображению облечь призрачный образ в почти реальные формы.

Горин был романтиком по своей натуре.

Теплично воспитанный на книгах, вдали от жизни, он еще с детства носил в своем воображении вереницу женских образов, навеянных мировой литературой.

Он был влюблен, вместе с Байроном, в Ианту, юную и прелестную, грациозную, как газель...

Увлеченный в бой Сарагосской девой, он шел против галльских легионов и отдавал свою жизнь за огненный взгляд ослепительной испанки.

Он трепетал за жизнь Лейлы — прекрасной и лукавой изменницы. Он принял ее последнее дыхание и мстил за ее жизнь вместе с Гяуром...

И русские девушки — Лиза Калитина, Елена, Наташа, Нелли — милые существа, обвеянные ароматом русских беспредельных полей, нежные, самоотверженные, прекрасные — отнимали у него по кусочку души и никогда не исчезали из воспоминаний.

Годы шли, суровая, полная лишений жизнь притупляла юношескую восприимчивость, но светлые поэтические образы женщин, рожденных книгой, витали перед глазами Горина.

Его любовь к этим образам, преклонение перед ними внушали ему уважение к каждой женщине, встреченной им на жизненном пути. Он никогда не подходил легко к женщине, никогда не осуждал женщин, даже тех, с кем приходилось встречаться во время кутежей и пьяного разгула. И это было причиной, что приятели считали его идеалистом, чудаком и делали это объектом своих скверных шуток.

Это было причиной того, что образ леди Ю неожиданно захватил его воображение, покори́л его, вселил смутную тревогу в его душу. Что-то сильное, трагическое, прекрасное было в той женщине, которую он знал только по описанию блондинки в изумрудном платье.

Романтический ореол окружал ее, а рассказ блондинки делал леди Ю в глазах Горина героиней и мстительницей за злое дело. Она должна была быть прекрасна — он не сомневался в этом: другой она не могла быть, хотя, по рассказу Иры, и была немолода. Его охватила жажда встретиться с ней, увидеть ее, говорить с ней.

Воображение рисовало ему эту встречу в поэтической дымке. Его не смущало, что, по его собственному предположению, он должен был увидеть ее впервые в ночном кабаре, куда блондинка обещала вызвать его и Кросса для встречи с леди Ю.

Как далека была эта обстановка от тех фантастических картин, которые рисовал себе Горин — его не смущало и то, что ни Ианта, ни Лиза Калитина не пошли бы в ночное кабаре

Жизнь шла вперед. Ианта и Лиза покоились в прошлом, среди пыльных книг, а современный роман может начаться и в кабаре.

Так бессознательно думал Горин — и ждал вестей от Кросса.

На четвертый день, около 9 часов вечера, Кросс заехал за Гориным.

— Ну что? Ну что? Она там? — заволновался Горин.

— Да. Одевайтесь и едем в «Рамону». Леди Ю только что приехала туда.

ГЛАВА 16

ГОЛОС ЛЕДИ Ю

Снова тот же зал, где Кросс и Горин так недавно выслушали грустный рассказ о мещанском романе.

Снова звуки чувственных мелодий, полуобнаженные женские тела, шумный говор, смех, табачный дым, звон посуды, игра взглядов, скользящие в танце фигуры, пьяные песни, быстрая и резкая смена освещения.

Кросс и Горин вошли — и на минуту остановились у дверей, захваченные картиной общего возбуждения, общей горячки веселья.

Зал был полон и узкий круг танцующих казался почти неподвижным. Цепь приставных столиков замыкала круг и не позволяла свободно танцевать. Пары стояли на одном месте, слитые, спаянные ритмом, прижавшиеся друг к другу, стиснутые соседями.

Легкая рука коснулась плеча Горина. Он быстро обернулся.

Светлые глаза блондинки в изумрудном платье смотрели на него. Он увидел, что она взволнована и растеряна.

— Идите за мной, — тихо сказала она.

Она привела Горина и Кросса к одному из столиков в глубине зала.

— Здесь вам будет удобнее наблюдать. Я нарочно оставила для вас этот столик. Леди Ю сидит вон там, в красной шляпе и белом шелковом платье. С ней сегодня какой-то американец и его жена. Представьте себе, леди Ю ласково поздоровалась со мной. Я думаю, что она хочет поговорить со мной. Если это так, — то мне легко будет познакомить вас. Закажите что-нибудь.

Блондинка затерялась в толпе танцующих.

Горин с нетерпением ждал, когда снова осветят зал.

Кросс сосредоточенно курил сигаретку и сидел неподвижно, как мумия, опершись на спинку стула.

Барабан джасса рассыпался дробью и резким ударом закончил мелодию. Зажгли свет и середина зала опустела. Шум голосов и звяканье посуды сразу утробилось.

Горин внимательно осматривал столик за столиком, угадывая, волнуясь, вспоминая описание леди Ю. В левом углу зала он нашел тех, кто подходил к описанию, сделанному блондинкой.

Высокий молодой американец стоял у столика, слегка согнувшись, чему-то улыбался и внимательно слушал двух дам, сидевших за столиком.

Одна из них сидела лицом к Горину и что-то быстро говорила. Она была без шляпы, а потому все свое внимание Горин перенес на вторую даму, которая была в красной шляпе.

Ему было досадно, что дама сидит спиной к нему и он не может разглядеть ее лица. Она сидела свободно и неприужденно, заложив одну руку за спинку стула. Несколько раз дама порывисто откидывалась назад, громко смеясь.

— Видите леди Ю? — спросил Горин Кросса.

Тот молча кивнул, флегматично посасывая сигарету.

«Как познакомиться с ней? — думал Горин. — Пригласить ее танцевать? Нельзя, не будучи знакомым. Хотя взглянуть на нее. Когда будут танцевать, — пойду в круг танцующих. Там тесно, можно будет приблизиться и рассмотреть ее».

Оркестр заиграл вальс.

Как бы идя навстречу желаниям Горина, дама в красной шляпе встала, кивнула американцу и протянула ему руку, явно приглашая его танцевать.

Они плавно вошли в круг танцующих.

Горин увидел на одну секунду, пока танцующие не закрыли ее, что дама высока и стройна.

Горин вскочил и пошел от столика, бросив Кроссу:

— Я пойду танцевать. Я должен разглядеть эту таинственную леди Ю...

Он пригласил первую попавшуюся партнершу.

Она охотно отдалась в его крепкие, сильные руки, но была сразу же обижена его полным невниманием. Она пыта-

лась заговорить с ним — по-русски, по-английски, по-французски, — но он что-то мычал, всецело захваченный желанием поскорее увидеть таинственную женщину, которая завладела его воображением.

Он волновался, чувствовал даже сердцебиение, видя, как пара за парой проходят мимо него, как он приближается к даме в красной шляпе.

«Сейчас я увижу ее, эту загадочную леди Ю», — думал он, бессознательно сжимая в своих руках партнершу.

Красная шляпа быстро приближалась к нему, была уже рядом.

Волнуясь и замирая, Горин встретился взглядом с глазами леди Ю. Темные и блестящие, они на секунду задержались на нем и исчезли.

Он бессознательно запомнил бледное лицо, тонкий, изящного рисунка нос, яркие губы — алчные, полураскрытые, обнажавшие ряд ровных, мелких, хищных зубов.

Мелькнул завиток черных волос, выбившийся из-под шляпы — и поток танцующих увлек леди Ю в другую сторону.

Она была хороша, необыкновенно хороша. Сколько ей лет? Ах, он не думал об этом: она была прекрасна. Она не могла быть иной, эта леди Ю: ему уже казалось, что именно так он и представлял себе ее.

Это лицо вдруг стало ему знакомо, близко. Как будто давно, давно, может быть, с детства, он говорил с ней, дружил с ней, может быть, сидел за трогательной и полной очарования книжкой.

В своей сентиментальной душе он соединил в этом едва мелькнувшем женском лице черты тех героинь, которые пленили его когда-то.

Его окружили тени Ианты, Лауры, Юлии, Гюльмары, Лейлы — блондинки, брюнетки, шатенки, стройные, сказочные создания фантазии и романтики. Нежные существа, благоухающие и легкие, как цветочные пылинки...

Тяжелая рука схватила Горина за рукав пиджака и вывела из круга танцующих.

Горин пришел в себя, растерянно уставился на Кресса.

— Что? Что?

— Ничего особенного, — спокойно ответил Кросс. — Эта дама в красной шляпе, эта леди Ю — убийца Лямина. Я узнал ее по голосу. Это она шла с ним к Джессфильд-парку, когда я встретил их. Это она вела с ним горячую беседу, это она умоляла его о чем-то...

ГЛАВА 17

КАК ЕГО ИМЯ?

Ошеломленный категорическим тоном Кросса, Горин впился в тот столик, где сидела леди Ю.

Боже мой, она убийца! Она убийца! Эта удивительная, такая яркая женщина — убийца!

Но Горин привык верить Кроссу: финн утверждал только тогда, когда бывал уверен.

Так это она шла с Ляминам на место убийства!.. Но, может быть, она шла, но не убивала?

Чем больше Горин думал об этом, тем с большим удивлением чувствовал, что его интерес к леди Ю и восхищение ею все усиливаются. Этому не мешало даже то, что ее жертвой был его друг.

Нет, нет, убийца не она! Если она шла с Ляминам — это еще не доказательство, что именно она убийца.

Но... а рассказ блондинки в изумрудном платье? А угроза леди Ю?

Горин махнул рукой на все эти мысли, окончательно запутавшись в противоречиях, и пошел к своему столику.

Кросс вернулся раньше него и слушал блондинку в изумрудном платье, которая что-то ему говорила.

— Я слышал ее голос, — снова повторил Кросс. — Я нарочно пробрался к оркестру и старался прислушаться к тому, что говорилось за столиком леди Ю. Да, это она. Это та брюнетка, которая горячо убеждала в чем-то Лямина, которая шла с ним к Джессфильд-парку, закрывая свое лицо полями шляпы. Нам остается точно установить, при каких обстоятельствах и по какой причине она убила Лямина. Сейчас нам представится удобный случай познакомиться с ней. По словам Иры, леди Ю остается здесь одна: американец с женой уходят. Они зовут с собой и леди Ю, но она, как и полагается эксцентричной особе, какой ее все считают, решила пренебречь всякими светскими условностями и остаь-

ся. Вся разгадка такого ее поведения очень проста: она сказала Ире, что остается ради нее, так как ей необходимо о чем-то переговорить с нею. Более удобного случая нам не найти. Вы познакомите нас, Ира?

Блондинка была страшно взволнована, напугана, мертвенно бледна и смотрела на Кросса, как зачарованная.

Он повторил свой вопрос.

— Да... да... конечно, — словно во сне ответила Ира.

Ее глаза вдруг метнулись куда-то в сторону — и она неподвижно уставилась на тот столик, где сидела леди Ю.

— Они уходят, — сказал Кросс.

Американец склонился к леди Ю и жал ее руку. Его же на смеялась чему-то и тянула мужа за рукав пиджака. Оба кивнули леди Ю и пошли к выходу.

Леди Ю осталась одна.

Опершись га руку, она сидела за столиком, странно неподвижная и сразу угасшая после недавнего возбуждения от танцев.

Потом подняла голову и стала осматривать зал, ища кого-то.

— Вас, Ира! Вас, вас! — сказал Кросс. — Идите!

Блондинка пошла к столику леди Ю и стала напротив нее. Кросс кивнул Горину на пустой столик рядом со столиком леди Ю. Они с трудом пробрались среди шумной толпы и уселись около столика леди Ю.

Им был виден ее профиль.

Блондинка стояла прямо против них и неподвижно, не отрываясь, смотрела на леди Ю.

С невольным волнением на эту женщину смотрел и Горин. Ему был виден строгий, тонкий профиль, кусочек ярких губ и завитки волос, выбивающихся из-под шляпы.

Леди Ю что-то медленно, тихо говорила, теребя тонкими, длинными пальцами край скатерти. Горин стал вслушиваться.

Все в этой женщине качалось ему необыкновенным и теперь он с тайным наслаждением ловил отрывки слов, произносимых низким, грудным голосом.

Кросс не преувеличивал, когда говорил, что голоса леди Ю нельзя забыть. В этом удивительном голосе звучали теплые, музыкальные ноты, странно волнующие слух.

Голос был полон глубокого спокойствия, но чувствовалось, что в нем могут звенеть страсть и гнев.

— Я понимаю вас, — слышал Горин, — я понимаю вас. Вам тяжело, бедная девочка. Никогда не принадлежать себе, вечно угождать другим, следить за их желаниями, всегда улыбаться и делать милое лицо. А мужчины... пьяные, грубые мужчины... как они противны! Я понимаю вас... Вам странны мои слова? Вы мысленно спрашиваете, зачем же я хожу сюда? Ах!.. Это долго рассказывать. Бывает так, что куда угодно пойдешь, чтобы забыться, чтобы спрятаться от себя самой. Впрочем, это не важно.. Я хотела вас спросить, Ира: вы ушли бы отсюда?

— О! — только и могла ответить блондинка в изумрудном платье. — Но куда мне уйти? У меня нет знакомых, я одинока в этом большом, страшном городе...

— Я помогу вам. Вы мне нравитесь...

Леди Ю взяла блондинку за руку и притянула к себе.

Та послушно нагнулась и они довольно долго говорили о чем-то, чего Горину и Кроссу не было слышно. Затем леди Ю встала.

Теперь Горин увидел леди Ю во весь рост — стройную, гибкую, прекрасную...

Он поднял глаза на ее лицо и вторично за этот вечер встретился с ее глазами.

Сначала он ничего не видел, кроме устремленных на него черных, блестящих зрачков. Потом, когда она отвела взгляд, он рассмотрел ее лицо. Оно было заключено в рамку из черных волос, закрученных тяжелыми узлами на затылке.

Расширенными от восхищения глазами он видел изломанные линии ее бровей, равномерный матовый цвет лица, прямой, тонкий нос, яркие, чувственные, чуть подведенные губы и ряд блестящих зубов, мелких и ровных. Она была не молода, конечно, не молода, но прекрасна.

— Странное совпадение! — проговорила блондинка и ее голос чуть дрогнул. — Странное совпадение... сегодня второй раз мне предлагают помочь найти другую службу. Еще более странно потому, что два господина, предлагавшие, подобно вам, свою помощь, очарованы вами и просили меня представить их вам.

«Молодчина! — подумал Горин. — Нашла предлог! Мы с Кроссом ничего подобного не предлагали ей».

— Я не люблю случайных знакомств, — ответила леди Ю.

— Вы сделаете мне большое одолжение, — умоляюще скатала блондинка — Оба они — очень приличные люди. Я прошу вас... Они мои друзья. Втроем вы скорее поможете мне... Я прошу вас...

— Скажите хоть, кто они? Как их имена? — спросила леди Ю.

— Один из них — учитель математики... Кросс.

— О! Он, вероятно, очень скучный? — улыбнулась леди Ю.

— Другой — бухгалтер...

— Боже мой! Еще хуже!

— ...Горин, — докончила блондинка в изумрудном платье.

— Как? Горин? Его имя и отчество?? — быстро спросила леди Ю, сделав движение, чтобы встать.

— Андрей Михайлович.

— А-а! — протянула леди Ю. — Я где-то слышала это имя.

Оно на минуту задумалась, потом сказала:

— Хорошо, я согласна. Зовите их сюда. Где они?

ГЛАВА 18

ЮДИФЬ

— Вот они, — сказала блондинка в изумрудном платье, кивая в сторону Горина и Кросса.

Леди Ю растерянно посмотрела на них.

— Это нехорошо, Ира! Вы поставили меня в самое глупое положение. Оказывается, они сидели рядом и слышали все, что я о них говорила. Неважное начало для знакомства!

Но подошедших Горина и Кросса она встретила с самой очаровательной улыбкой.

Блондинка в изумрудном платье представила их леди Ю.

Горин смущенно и с невольным трепетом поцеловал и чуть пожал протянутую ему руку — гибкую, маленькую, но сильную.

Леди Ю расширенными, странными глазами смотрела на молодого человека. Какая-то затаенная мысль светилась в ее глазах: казалось, она припоминает что-то.

На Кросса она почти не обратила внимания. Все уселись за столик.

— Наша общая знакомая, — с полупоклоном в сторону блондинки проговорил Кросс, — рассказала нам столько чудес о вас, что мы заочно совершенно вами очарованы...

— О! — весело воскликнула леди Ю. — Очень польщена. Я, вообще, нахожу, что Шанхай — исключительно вежливый город. Я получила несколько признаний в любви даже на улице, от совершенно незнакомых людей. Шанхайцы — очень пылки и настойчивы. Я никогда не предполагала, что здесь, на Дальнем Востоке, могут кипеть такие испанские страсти.

Она с насмешкой смотрела на Кросса.

— Что ж, — ответил он. — То, что вам признавались в любви, даже на улице, доказывает, что шанхайцы непосред-

ственны, прямодушны и к тому же обладают хорошим вкусом...

— ...и плохим воспитанием, — закончила леди Ю.

— Видимо, Шанхай не нравится вам? — спросил Горин.

— Напротив! Я никогда не веселилась так много, как здесь, в вашем дальневосточном Вавилоне, как его называете вы, шанхайцы, и как его никогда не называют в Европе. Я заразилась от шанхайцев лихорадкой беспечного веселья. Ваш сумасшедший город так не похож на чопорные города Англии, где я долго жила.

Я узнала, что шанхайцы любят свой город, но тщательно скрывают эту любовь: хвалить Шанхай считается дурным тоном. Отсюда бегут, но потом возвращаются сюда, а если не могут вернуться, то тоскуют по нем. Мне это многие говорили. Безумный, легкомысленный и жестокий город, но интересный, красочный, пестрый, оригинальный.

Он только что пережил ужасающую трагедию — кровь, война, горе, слезы. И вот он опять весел, беспечен, оживлен. Его улицы переполнены снующей толпой, магазины — сколько их, десятки тысяч? — также полны, полны театры, кино, рестораны, кабаре.

Все куда-то торопятся, волнуются, бегают, ловят призрачное счастье, или, вернее, доллары. Маленький Нью-Йорк... с его бешеной погоней за наживой.

И во всей этой каше я с особенным чувством следила, пока здесь жила, за жизнью русской колонии... ведь это маленькая Россия, ее осколок. Осколок того прошлого, которое уже никогда не вернется. Осколок с неровными краями, облезлый, с трещинами по всем направлениям, но все же кусочек прекрасного прошлого, великого целого, которого, вероятно, уже не восстановить. И потому этот кусочек так дорог...

Она сказала это с чувством.

Кросс удивленно посмотрел на нее.

— Странно, — сказал он. — Вы — англичанка. И вдруг такая любовь к России.

— Ничего нет странного, мистер... мистер...

— Кросс, — подсказала блондинка.

— ...мистер Кросс, — продолжала леди Ю. — Я родилась в России, тем росла и воспитывалась. После революции родители увезли меня в Англию, но первые мои жизненные впечатления — самые свежие и непосредственные — конечно, связаны с Россией и эту великую страну я считаю своей настоящей родиной. Душою я всегда там. Я предана России и верю в ее великое будущее. Я считаю русских очень талантливыми, симпатичными и интересными людьми. Они проще, сердечнее, лучше других людей. Их несчастья, эта ужасная революция глубоко и всегда меня волновали.

Она замолчала, задумалась.

Горин, не отрываясь, смотрел на нее.

Леди Ю рассеянно взглянула на него и вдруг громко рассмеялась.

— Теперь я охотно верю, что вы очарованы мною, как заявил ваш друг. У вас такой странный вид... такой...

— ...глупый, — подсказал Кросс. — У него это бывает. Страшно влюбчивый молодой человек. Это его болезнь.

— О! — воскликнула леди Ю. — Значит, большой победой я не могу гордиться? Вы всегда так быстро влюбляетесь?

Горин невольно покраснел под лукавым взглядом леди Ю.

— Нет, нет! Только теперь я узнал, что такое настоящая, истинная любовь.

Он шутливым пафосом старался скрыть свое смущение.

— Все прежнее было самообман. В вас столько очарования, вы так ярки на нашем будничном фоне, так выделяетесь на нем, как... как...

— ...как павлин на заборе. Правда?

Леди Ю смеялась, блестя зубами, кокетливо щуря глаза.

— Даже ваше имя, — леди Ю — странно, загадочно, таинственно, — все в том же тоне продолжал Горин. — В вашем имени чарует слух музыкальность, мягкое созвучие. Ваше имя должно дать имя, содержание какой-нибудь легенде... в духе легенды о леди Годиве.

— Стойте, стойте, — смеялась леди Ю. — Вы договоритесь до того, что и меня заставите раздеться, как леди Годиву, и разъезжать верхом в костюме праматери Евы по улицам Шанхая. Благодарю покорно. Ей-Богу, молодой человек, я не достойна вашей любви. Ведь я старуха. А леди Ю не имеет в себе никакой загадки... Просто я взяла первую букву своего имени. Меня зовут по-русски Юдифь. Я не еврейка, но мои родители почему-то решили сделать меня библейской героиней, да еще к тому же такой кровавой. В России близкие и подруги всегда звали меня просто — Ю. Дальше кто-то прибавил к этому леди. Так и прилепилось ко мне это имя. Вот и все...

Горин поймал острый, торжествующий взгляд Кросса.

«Юдифь! — мелькнуло в голове Горина. — Юдифь! Женщина, к которой ехал на свидание Лямин! Юдифь, о которой он упоминал!

Огненные, сверкающие буквы горели перед его глазами — Юдифь!

В ушах звенело настойчиво, угрожающе, переходило в громовые раскаты — Юдифь! Юдифь! Юдифь!

Убийца Лямина!

ГЛАВА 19

ГОЛОВА ОЛОФЕРНА И ГОЛОВА КРОССА

Сеть затягивалась вокруг леди Ю — вокруг обаятельной женщины, которая сидела сейчас против Горина и бесечно смеялась.

Впервые чувство враждебности к Кроссу овладело Горинным.

Сухой математик решал уравнение, в котором, вместо икса, была леди Ю.

У нее не было души: она была для Кросса только иксом, только значком из алгебраической задачи.

Кросс смотрел на нее равнодушно, спокойно.

Он закурил сигарету, откинул голову, пустил дым к потолку и с улыбкой обратился к леди Ю.

— Мой друг высказал пожелание, чтобы ваше имя увенчало какую-нибудь легенду. Он забыл, что такая легенда уже существует. Вы упомянули об этой легенде, сказав, что ваши родители почему-то дали вам имя библейской героини. Конечно, вы, леди Ю, помните эту легенду? Сомневаюсь, чтобы ее помнили Горин и наша очаровательная Ира. А потому позвольте мне напомнить вам эту легенду.

Кросс снова пустил дым к потолку и продолжал:

— Легенда это таится в тумане веков. Около двух с половиной тысяч лет тому назад свирепый и кровожадный царь вавилонский Навуходоносор отправил своего полководца Олоферна с армией в непокорную Иудею. Иудеи укрепились в Ветулии и вавилонские войска осалили город.

Осада затянулась. Жителям Ветулии угрожала голодная смерть, так как припасы приходили к концу. Тогда спасительницей Ветулии выступила молодая, прекрасная вдова — Юдифь, дочь Мерарии.

Она решила пожертвовать собой, чтобы спасти родной город. Под покровом ночи Юдифь проникла в лагерь вавилонян и явилась к Олоферну.

Он был ослеплен красотой Юдифи, забыл суровый долг воина и отдался чарам прекрасной женщины .

Когда бородатый вавилонский Дон Жуан окончательно потерял осторожность под жгучими глазами прекрасной еврейки, он потерял и свою голову.

Красавица мило отблагодарила своего поклонника за доверие и ласку: она отрубила ему голову. Вавилоняне растерялись, потеряв своего вождя, иудеи воспользовались этим, сделали вылазку и прогнали врагов.

А имя Юдифи веками горело и сияло, как алмаз, в памяти благодарного иудейского народа. Эта слава прошла через тысячи лет и даже теперь, в век машин, радио и фокстрота, вдохновляет поэтов, художников и музыкантов...

Кросс с чуть заметной усмешкой смотрел на леди Ю.

Горин видел, что она странно насторожилась.

— Надеюсь, — медленно и торжественно продолжал Кросс, не спуская глаз с леди Ю, — надеюсь, что, дав вам имя, связанное с героическим сказанием о прекрасной Юдифи, ваши родные совсем не хотели, чтобы в будущем вы резали ваших поклонников?

Леди Ю спокойно смотрела прямо в глаза Кроссу.

Усмехнулась.

— Вы сказали, мистер Кросс, что состоите в числе моих поклонников... вы сказали, что очарованы мною. Но не бойтесь за свою голову. Голова вавилонского вождя дала славу Юдифи. Голова шанхайского учителя математики такой славы не даст. Пусть она остается на своем месте, потому что — поверьте — она не опасна никому.

Леди Ю встала, медленно взяла со стола сумочку и веер и сказала:

— Не пора ли, милые друзья, и по домам.

Потом добавила по адресу Горина, но глядя с открытым вызовом на Кросса:

— Я все припоминала, где слышала ваше имя, мистер Горин. Теперь вспомнила. Мне говорил о вас Лямин, тот самый Лямин, который недавно был убит в Джессфильд-парке. Ведь вы были знакомы с ним? Да? Проводите меня,

мистер Горин. До свидания, Ира... мы с вами условились...
До свидания, мистер Кросс.

Она насмешливо посмотрела на учителя математики и добавила:

— И, пожалуйста, к следующей нашей встрече приготовьте какую-нибудь сказку повеселее — без убийства...

ГЛАВА 20

ПАЖ ЛЕДИ Ю

Утром, сидя в автомобильной конторе, где он служил, и разбираясь в скучном месячном балансе, Горин думал о вчерашней встрече с леди Ю.

Глаза машинально пробежали страницы бухгалтерских книг. Мелькали заголовки, статьи, названия — дебет, сальдо, векселя, проценты, куртаж, текущий счет...

Он смотрел на колонки цифр, они пестрели в глазах, сливались и были нудны и скучны, как осенний дождь.

Он старался сосредоточиться, вникнуть в смысл сухих, огромных книг. Но в то мгновение, когда это ему начинало удаваться, когда он ловил сущность операции с продажей автомобильного шасси г-ну Бурову, или радиатора — Абраму Кацману, — эта сущность с ловкостью вырывалась из его рук.

Автомобильное шасси, г-н Буров, радиатор и Абрам Кацман переплетались в его голове и он писал — г-н Авто и Абрам Радиатор.

Потом все перепутывалось окончательно, проваливалось в какую-то серую пустоту — и два черных, блестящих зрачка в опале призрачного лица закрывали от Горина колонки цифр и счет Абрама Кацмана.

Горин бросил подсчет, когда стал повторять ошибки и два раза вписал в книгу: счет леди Ю.

Он окинулся на спинку и задумался.

Мелькнула музыка, знойные танцы, а в центре всего — она, леди Ю, стройная, гибкая, с трагическим изгибом бровей и странным взглядом.

Что мог означать ее резкий выпал против Кросса? Только одно: она поняла, к чему вел Кросс, рассказав легенду о голове Олоферна.

Кросс был неосторожен, но леди Ю еще более неосторожна, так как своей резкостью почти выдала себя.

Кросс на это и рассчитывал, когда рассказывал предание об Юдифи. А упоминание леди Ю о Лямине? Этим упоминанием она еще больше подчеркнула свой неосторожный шаг.

Итак, она поняла, зачем было нужно это знакомство с нею Горину и Кроссу. Что она будет теперь делать? Будет бороться с Кроссом? Скроется?

При этой мысли сердце Горина сжалось. Он чувствовал, что леди Ю заняла в его жизни большое место.

Среди серых будней, среди скучных людей, появилась женщина, прекрасная, воплощение его романтических мечтаний. Судьба связала ее с таинственным убийством Лямина. Это делало ее образ еще более интересным и загадочным.

Горин снова и снова переживал встречу и первое знакомство с леди Ю. В его памяти вставало каждое ее слово, каждое выражение лица, каждый оттенок голоса...

...Оставив Кросса, Горин и леди Ю вышли из кабаре. Горин взял автомобиль, усадил леди Ю и, став около машины, стал прощаться.

— А вы? — удивленно сказала леди Ю. — Нет, нет! Я вас не отпущу! Вы должны сопровождать меня... проводить домой.

Горин поклонился и сел рядом с леди Ю.

— «Метрополь»! — бросила леди Ю шоферу — и машина плавно тронулась с места.

Горни смущенно молчал: неожиданно он очутился наедине с предметом своих мечтаний.

— Ваш покойный друг, — сказала вдруг леди Ю, — был прав, когда аттестовал вас, как необыкновенно скромного молодого человека. Он очень мало говорил о вашей внешности. Теперь я убедилась, что она несомненно гармонирует с высокими достоинствами вашей души...

В ее словах звучала мягкая, теплая ирония.

— Я никогда не считал себя Аполлоном, — ответил слегка задетый Горин, — но знаю, что нравлюсь женщинам...

— Ого! — воскликнула леди Ю. — Где же ваша скромность, молодой человек?

— Утеряна, кажется, еще с молоком матери.

Его начала злить манера леди Ю говорить с ним, как с мальчишкой.

Ему хотелось схватить ее, обнять, сжать, причинить ей боль. Но он чувствовал, что не осмелится на это.

— Андре... вы позволите называть вас так? Можно? Скажите, Андре, а у вас не было никаких других причин знакомиться со мною, кроме вашей детской влюбленности, которую вы так старательно весь вечер лансировали? Скажите правду...

— Нет. Я влюблен в вас — вот причина...

— Гм... наш роман идет быстрым темпом, — рассмеялась она. — Один вечер знакомства — и вот уже любовное признание. Вы много пили?

— Нет, я пьян от вас...

— Ого! Вы очень смелы! Браво! Кажется, ваш покойный друг плохо знал вас. Ну, а ваш этот... Кросс — тоже влюблен в меня?

— Не знаю... мне это безразлично. Я знаю только, что влюблен в вас...

— Я очень рала! Всякая другая дама на моем месте была бы возмущена вашим поведением. Но я очень дорожу своей репутацией эксцентричной женщины и позволяю вам говорить о любви ко мне. Мне приятно, что меня, уже старуху, любит скромный, красивый молодой человек, нашпигованный до неприличия идеализмом. Не так ли?

— Могу ли я с вами встречаться?

— Конечно, можете! Хотите быть моим пажом? Паж леди Ю! Звучит эффектно! Вы будете носить голубой камзол и шапочку с пером. Впрочем, в Шанхае жарко. Надо придумать другую форму — что-нибудь вроде трусиков и майки. Итак, согласны? Ежедневно, после службы бухгалтер Горин будет превращаться в пажа леди Ю. Завтра в 6 часов вечера вы должны ждать свою госпожу около... около... ну, скажем, около Французского клуба.

— Н улице?

— Да, на улице. Я так хочу.

Автомобиль остановился у подъезда Метрополь-отеля. Горин помог леди Ю выйти из машины.

— Вероятно, вас ждут, — сказал Горин. — Ваш муж?

— Мой муж? — удивленно протянула леди Ю. — О, нет... мой муж умер давно. Я одинока. Теперь я — холостячка. До свидания, мой милый паж.

Леди Ю кивнула ему и вошла в подъезд. Швейцар распахнул перед ней двери.

И вдруг она снова повернулась к Горину.

— Если не знать, что ваш друг — учитель математики, можно подумать, что он — полицейский детектив. Уж очень у него колючие и противные глаза. Не сердитесь... он ваш друг... но он пренебрежительный господин. Мне он ужасно не понравился. Совсем не то, что вы...

Она тепло улыбнулась и исчезла за дверью.

ГЛАВА 21

ЗАГАДОЧНАЯ ВСТРЕЧА

В три часа дня Горин заявил управляющему конторой, что ему нужно уйти по срочному делу и ушел: он не мог от волнения работать и думал, что перед встречей с леди Ю ему нужно много обдумать.

До часа свидания с леди Ю времени еще было очень много, но, тем не менее, Горин шел к Французскому клубу, около которого была назначена встреча.

Он не знал, как убить время, как заполнить три часа, которые отделяли его от радости снова видеть черные, блестящие глаза леди Ю, тонкий, изящный овал ее лица.

Снова видеть ее всю — от завитков черных волос до кончиков туфель.

Горин дошел до клуба и взглянул на свои часы. Была половина четвертого. Молодой человек рассеянно посмотрел вокруг.

Улица была пустынна. Жаркий для этого времени года день разогнал прохожих. Спасаясь от палящих лучей солнца, попрятались за дома рикши. Горин снял шляпу и вытер лоб. Только сейчас он заметил, что, занятый своими мыслями, он стоит на самом солнцепеке. Нужно было что-то предпринять, чтобы убить время. Но что?

Идти домой не хотелось. Он подумал. Сел на рикшу и приказал везти себя на Банд.

Рикша повез его по Буржуа на авеню Эдуарда VII.

Убаюканный ритмическим движением крошечной колясочки, Горин закрыл глаза — и немедленно увидел леди Ю — яркую, прекрасную, кокетливо смеющуюся, с блестящими глазами.

Он открыл глаза. Мелькали улицы, прохожие, китайские магазины, лавки, автомобили — а призрак леди Ю не исчезал, закрывая собою все.

Лишь на углу авеню Эдуарда VIII и Тибет-род, где еще так недавно произошла ужасающая трагедия, где были убиты 1.700 и ранены 1.800 человек, Горин прогнал видение: даже образ леди Ю побледнел при воспоминании о море крови, которое залило эту площади 14 августа 1937 года.

Проехав парк, Горин слез с колясочки и бесцельно побрел по улице. Какая-то непонятная сила толкала его вперед, дальше и дальше.

Он брел по улицам, переулкам, полузакрыв глаза, странно безучастный к окружающему, словно загипнотизированный. Он очнулся только тогда, когда глаза его уперлись в какое-то огромное здание. Он поднял глаза: это был Метрополь-отель.

Он пришел к тому месту, где жила леди Ю.

Залитые солнцем окна гостиницы смотрели на него своими бесконечными рядами. Горин стал в тень, отбрасываемую большим домом, и впился глазами в окна отеля.

Здесь жила странная женщина, нить жизни которой так трагически вплелась в его жизнь.

Он поймал себя на том, что соображает, которое из окон выходит из комнаты леди Ю. И невольно улыбнулся: он не мог иметь об этом никакого представления, так как леди Ю ничего ему об этом не говорила.

К подъезду отеля подкатил новенький, изящный, небольшой автомобиль. Кроме шофера, в машине никого не было. Видимо, машина приехала за кем-нибудь из отеля.

Горин рассеянно смотрел на двери отеля, ожидая того, кто вызвал автомобиль. Двери открылись. Швейцар распахнул их, пропуская двух дам.

Горин вздрогнул: одна из дам была леди Ю, а другая... в другой он узнал блондинку Иру.

Горин растерялся от неожиданности.

Что было делать? Подойти к ним? Спрятаться? В конце концов, он остался стоять на месте.

Ни леди Ю, ни блондинка не заметили его и уселись в машину.

Мелькнули шляпы — красная у леди Ю и зеленая у Иры — и автомобиль тронулся с места.

Удивленными глазами Горин следил, как машина покатила, все развивая ход, куда-то по направлению к Банду. Мгновенно она скрылась за поворотом улицы.

Горни растерянно соображал, что все это значит. Блондинка и леди Ю? Что у них общего? Зачем блондинка была у леди Ю? Куда они поехали?

Но блондинка... блондинка! Союзница! Неужели она изменила и предупредила леди Ю о грозящей той опасности?

Может быть, они связаны этим таинственным убийством? Может быть, они именно сейчас решили бежать из Шанхая и направились на какой-нибудь пароход?

А он прозевал все и стоит здесь, глупо разинув рот, когда нужно действовать.

Он вдруг сорвался с места и почти побежал по тому направлению, куда скрылся автомобиль. Но сейчас же сообразил, что, конечно, уже не настигнет беглянок даже на гоночной машине, так как они далеко.

В самом растерянном состоянии, досадуя на свою оплошность, Горин поплелся куда-то вдоль улицы.

Перед ним встал вопрос: что делать? Идти на свидание к Французскому клубу было, видимо, бесполезно. Зайти к Кроссу, который жил тут, неподалеку от той улицы, по которой брел Горин? Сообщить все ему? Что-то удерживало его от этого шага.

Он взглянул на часы: было без пяти минут 5. До свидания оставался еще час.

Горин подумал-подумал — и решил все же быть на свидании: а вдруг леди Ю придет?

Он снова сел в рикшу и поехал на концессию. Он вылез на рю Кардинал Мерсье и бесцельно, медленно побрел по улице. Остановился у «Лайсеума», прочитал старую, выцветшую афишу об опереточной постановке и растерянно улыбнулся, когда среди фамилий — Орловская, Валин, Розен, Битнер — вдруг увидел огненные буквы: леди Ю. Он взгляделся в афишу и убедился, что у него начинается галлюцинация, так как никакой леди Ю в афише, конечно, не было.

Он пошел дальше, переходя с одной стороны улицы на другую, возвращаясь обратно, кружась на одном и том же

месте. Редкие прохожие с удивлением смотрели на него.

«Они правы, если признают меня за сумасшедшего» — подумал Горин — и вдруг яркая мысль врезалась в его сознание.

Он остановился и пробормотал:

— Боже мой! Да я влюблен!

ГЛАВА 22

МУЖ ЛЕДИ Ю

Часовая стрелка подползла к цифре 6.

Горин стал медленно ходить взад и вперед перед подъездом во Французский клуб. Прошло пять минут, десять, четверть — но леди Ю не было.

И в тот момент, когда Горин решил идти домой, знакомый голос — низкий, грудной голос — послышался рядом: — Вы аккуратнее меня, мистер Горин!

Он поднял голову и увидел черные, прекрасные глаза, тонкий овал лица и завитки волос, выбивающиеся из-под красной шляпы.

Волна горячий радости охватила Горина.

Она была здесь, с ним, она не уехала! Он схватил руку леди Ю, прижал к этой очаровательной руке губы и тихо, взволнованно сказал:

— Я боялся, что больше не увижу вас.

— Почему? — удивленно спросила она.

Он не знал, как объяснить свое неожиданно вырвавшееся признание.

Он смотрел на нее — стройную, изящную, яркую — и порыв откровенности овладел им.

Ему вдруг показалось нечестным, преступным следить за этой женщиной, обманывать ее, строить против нее какие-то козни...

— Я думал, что вы... что вы собираетесь бежать... что вы, может быть, уже на пароходе... с Иррой...

— Я? Бежать? С Иррой? Я не понимаю вас... — ответила леди Ю и Горин уловил в ее голосе дрожь волнения, тревоги, испуга.

Он не знал, как поступить, что сказать ей, а она, не отрываясь, смотрела на него с немым, беспокойным вопросом в глазах.

— Я не хочу говорить здесь, на улице, — сказал Горин. —

Это очень сложно, нужно многое рассказать вам. Я не могу придумать, где бы мог поговорить с вами. Все это мучает меня. Я не могу больше скрывать от вас своей некрасивой роли по отношению к вам... Я должен многое открыть вам...

Леди Ю опустила голову и задумчиво постукивала по носку туфли крошечным зонтиком.

— Вы заинтересовали меня. Вы расскажете все это сейчас же. Но мы не можем стоять здесь, на солнцепеке. Поедем куда-нибудь — на Вампу, пожалуй. Нельзя ли устроить моторную лодку? Во время прогулки вы все, все расскажете мне. Едем!

Они кивнул покорно и пошел вызывать машину.

Через минуту они быстро мчались по направлению к Банду.

* * *

Прохладный ветерок загибал края красной шляпы леди Ю.

Катер резал желтую воду Вампу. Горин с наслаждением подставлял лицо ветру.

Бежали мимо серые громады набережной Банда — конторы, банк, пароходные офисы.

Гортанно перекликались на берегу кули, грузившие товары для пароходов всех национальностей. Какая-то джонка медленно переплывалась в Путунг, переваливаясь с борта на борт медленно и неуклюже.

На английском крейсере проиграли какой-то сигнал. Прямыми, строгими линиями прорезали воды Вампу американские миноносцы.

Гудя мотором, низко над водой пронесся японский аэроплан.

Катер поравнялся с голландским грузовиком. Какой-то матрос играл на гавайской гитаре — и подпевал мелодии. Печальные звуки неслись четко по реке и звали куда-то в далекий океан, под пальмы, в объятия нежных кофейных

женщин.

С далекого моря веяло прохладой. Пахло бодряще и приятно смолой, нефтью. Где-то далеко, далеко угрожающе ревел пароход, а близко, совсем рядом, пронзительно пищал буксирный катер, который тянул на буксире огромную баржу.

Слабо доносились человеческие голоса: кули пели свою рабочую песню — заунывную и печальную, словно похоронное отпевание.

Горин и леди Ю сидели на самом носу моторной лодки. Постукивание мотора заглушало их голоса, а ветер помогал им говорить свободно: моторист сидел на корме лодки и, конечно, ничего не мог слышать.

— Итак, — сказала леди Ю, — я жду вашей исповеди, мистер Горин. В чем вы виноваты передо мной? Какую тайную роль вы играете и какие таинственные цели преследуете?

Горин не отвечал.

Он чувствовал всю рискованность шага, который собирался сделать: он играл ва-банк.

Он собрал в один комок всю силу воли, все свое хладнокровие, всю смелость и, не спуская глаз с леди Ю, заговорил:

— Прежде, чем рассказать вам, какую роль по отношению к вам я играл до сих пор, позвольте задать вам один вопрос. Клянусь, что никто, ни одна душа в мире не узнает. Скажите мне, леди Ю, вы убили Лямина?

Черные глаза расширились на секунду, брови взметнулись вверх — удивленно и испуганно, руки судорожно впились одна в другую.

Но леди Ю быстро справилась со своим волнением.

Она с усилием улыбнулась и медленно, спокойно, твердо сказала:

— Я не понимаю, о чем вы говорите и почему? Нет, милый молодой человек, я не убивала вашего Лямина. Но если бы это было и так, то вы очень наивны, когда думаете, что можно так легко и просто сознаться в ужасном преступлении — тем более, малознакомому и неуравновешенному человеку. Вы очень, очень наивны, мистер Горин. Вы мо-

жете мне ничего не рассказывать: я все поняла теперь. Я поняла, что кто-то дал вам повод подозревать меня в убийстве Лямина, что с целью разоблачения меня вы устроили это знакомство и думали запутать меня в сеть. Но вы не выдержали почему-то своей роли и проговорились. Теперь мне вполне понятно поведение вашего друга Кросса, понятен смысл его рассказа о голове Олоферна. Он хотел таким молниеносным способом привести меня к сознанию, поймать сразу и решительно. Я подозревала это еще тогда, когда он устоялся на меня своими колючими глазами. Теперь я убедилась в этом после вашего вопроса. Так вот в чем дело? Я почти уверена, что на меня указала вам Ира. Ведь правда? Вы не станете отрицать этого?

Горин покорно мотнул головой.

Он был совершенно смущен и растерян. Ему только теперь, после холодных и спокойных слов леди Ю, стала ясна неосторожность и глупость его вопроса. И больше всего его удручало, что он потеряет леди Ю.

Она знает теперь карты Кросса и, конечно, скроется. Простая осторожность должна подсказать ей такой шаг.

Он не верил в ее невинность. Он чувствовал, что она говорит неправду. Она должна была теперь исчезнуть с первым пароходом — это было совершенно ясно.

Он не мог помешать этому. Единственное средство задержать ее — это открыто обвинить ей в убийстве и сообщить об этом властям.

Но душа его всеми силами восставала против этого.

— Вероятно, — с усилием сказала леди Ю и нарушила этим тягостную паузу. — Вероятно, в своих подозрениях вы базировались на том, что я была как-то с Ляминым в «Рамоне»? Ира рассказала вам об этом, да? Так вот, я верю вам, я верю, что вы никому не расскажете того, что я вам поведаю. Я думаю, что ничего нет предосудительного, ну, подозрительного в том, что в кабаре могут веселиться муж и жена? Не правда ли?

Она с насмешливой улыбкой смотрела на Горина.

— В данном случае оно так и было. Я могу вам открыть — только вам одному — что покойный Лямин — мой муж...

ГЛАВА 23

ПРИЗНАНИЕ

— Лямин — ваш муж? — воскликнул Горин, потрясенный этим признанием. — Он никогда не говорил мне, что женат...

— О! Он старательно скрывал это, — ответила леди Ю. — Он был авантюрист и Дон Жуан по призванию, он был мой мучитель и я всегда мешала ему в жизни. Он часто скрывался, уезжал от меня, но потом снова появлялся в моей жизни и снова мучил меня. Я не любила его, я ненавидела его. но были обстоятельства, которые привязывали меня к нему крепко и неразрывно. Впрочем, я не стану говорить об этом: для меня это слишком тяжело, а для вас — неинтересно...

— Напротив! — с жаром возразил Горин. — Напротив! Я чувствую, что какое-то горе давит вас — что-то тяготит вас, мучает. Откройте мне все, леди Ю! Я ваш всей душой! Я отдам вам всю свою жизнь, я сделаю все, чтобы помочь вам! Никто в мире не узнает вашей исповеди. Она умрет со мной. Поверьте мне, откройтесь! Я не стану скрывать своих чувств к вам, леди Ю. Вы сами понимаете, вы сами видите, что я питаю к вам... что я вас...

Леди Ю умоляюще протянула к нему руки.

— Не надо! Не надо! — воскликнула она. — Не говорите того, в чем будете потом раскаиваться!.. Между нами пропасть, через которую нельзя перешагнуть! Вы — чистый, хороший человек, перед вами впереди светлая, счастливая дорога. А в моей жизни — только пустота... все потеряно, все погибло. Я стара для вас... у меня ничего не осталось... Только тоска... только страдания и слезы... и воспоминания, страшные воспоминания! Я говорю вам все это только потому, что верю вам и знаю, что вы не используете моих слов во вред мне. Правда?

Я так хорошо узнала вас за эти короткие дни нашего знакомства. Но я вас знаю еще раньше... давно, давно. Не удивляйтесь... не думайте, что мы знакомы только два-три дня. Я знаю вас очень давно — по рассказам Лямина.

Этот жестокий человек имел только одну светлую черту — он любил вас, Горин, любил горячо и искренне. Только о вас он говорил хорошо, только вас не чернил, только к вам питал уважение... да, да, именно уважение. Для его низкой души вы были недостижимым идеалом, он пел вам гимны, он преклонялся перед вами, вы были самым дорогим человеком для него.

Вы удивлены? Он скрывал это от вас? Верьте мне, что это так. Каждый шаг, каждую вашу мысль я знала от него. Он гордился вами и говорил о вас всегда с особенным удовольствием.

С его слов я знаю вас лучше, чем вы сами себя знаете, И потому я такого хорошего мнения о вас. Вот почему я решилась на знакомство с вами в «Рамоне», хотя — поверьте — мне было тогда совсем не до того.

Я верю вам, Горин, верю, что вы не станете меня впутывать в эту историю. Никто не знает, что я жена Лямина. Если об этом узнают, я буду привлечена к ответственности по делу об убийстве, так как, конечно, сочтут подозрительным, что я ношу другую фамилию, а незадолго до убийства встречалась с Ляминым...

Она задумчиво смотрела вдоль реки — туда, где сумерки уже накладывали синие тени на грязно-желтые воды Вампу.

На некоторых кораблях зажглись огоньки. На американском миноносце проиграла какой-то сигнал — видимо, зорю.

Горин схватил леди Ю за руку.

— Скажите мне, умоляю вас! — горячо прошептал он. — Кто же, кто убил Лямина? Я никому не открою того, что вы мне скажете. Я хочу знать правду! Неужели вы не скажете мне, кто сделал это страшное дело? Неужели ваша маленькая ручка нанесла смертельный удар Лямину? Неужели вы повинны в убийстве человека? Что заставило вас убить Лямина? Ведь вы... вы убили Лямина! Не скрывайте этого, я

чувствую, что это вы, вы, вы! Скажите мне... сознайтесь!

Леди Ю смертельно побледнела и страшными глазами смотрела на Горина.

— Не я... не я... — шептала она. — Оставьте меня!... Я сама теряюсь в догадках, кто сделал это страшное дело... Я не виновна... Не мучайте меня... молю вас...

Но Гориным овладело страстное желание узнать правду во что бы то ни стало.

Он чувствовал, что леди Ю в таком состоянии, что от нее сейчас легко вырвать тайну.

Он видел, что какая-то борьба происходит в ее душе, что признание готово сорваться с ее губ.

Ему было страшно это признание, он боялся его, но какая-то сила толкала его и заставляла добиваться правды.

— Откройтесь мне! Меня мучает эта загадка, скажите мне правду, леди Ю! Вы убили, да? Ведь все говорит против вас. Особенно теперь, когда вы проговорились, что Лямин — ваш муж, что вы ненавидели его. Вас видели, когда вы шли к Джессфильд-парку, вы объяснялись с ним о чем-то, вы умоляли его... Ваш голос запомнил Кросс, который встретил вас и Лямина в эту минуту. Это удивительная случайность, но именно случайности всегда наводят на подозрения. Лямин говорил мне перед тем, как поехать к вам на свидание, что имя женщины, с которой он должен встретиться, — Юдифь. А ваше имя... ваше имя — Юдифь! Вы угрожали Лямину в кабаре... вы странно вели себя по отношению к Ире, которая была так оскорблена Ляминим.

Еще одна деталь. Вы помните, как Кросс просил вас в «Рамоне» написать ему какое-то стихотворение Оскара Уайльда. Вы это сделали на бумажной салфетке. Мы рассмотрели ваш почерк в коридоре кабаре. Это тот самый почерк, которым была сделана надпись на носовом платке на месте убийства.

А эта надпись на платке? Раз вы так хорошо знали меня, вернее, мою душу, как вы только что мне рассказали, то разве нельзя допустить, что вы по какой-то причине, вероятно, шутя, написали, что клянетесь меня любить?..

Все это говорит против вас, леди Ю. Я не понимаю только, как хватило у вас силы волн сейчас же после убийства приехать в «Рамону» веселиться. У вас очень крепкие нервы... вы железный человек. Вы можете убить. Нет, леди Ю — вы, вы убили Лямина. Вы не посмеете теперь отрицать это! Вы убили!...

Леди Ю вздрогнула, опустила плечи, уронила голову.

Прошептала:

— Вы правы... Я убила Лямина...

ГЛАВА 24

СМЕРТЬ «ГИК»-А

Стемнело...

На Банде ровным строем вытянулись огоньки фонарей. Моторная лодка резала потемневшую воду и белая пена расходилась ровными полосами направо и налево.

Темная громада Бродвей Мэншион четко вырисовывалась на небе. Вниз по Вампу, медленно набирая ход, уходил большой военный корабль, дымя бурыми клубами дыма и выпуская из труб миллионы искр.

Подул свежий ветер. Горин поежился — от сырой прохлады и волнения — и посмотрел на леди Ю.

Она сидела неподвижно, склонив голову на руки и глядя в воду. В ее фигуре было столько безнадежной усталости, надломленности, что волна теплого сочувствия затопила мгновенно душу Горина.

Он осторожно прикоснулся к ее руке.

— Милая Ю! Позвольте вас так называть... Если бы вы знали, как я вам предан. Вы несчастны... это проклятое дело измучило вас... бедная! Я хотел бы только, чтобы вы знали, что я — ваш всегда, несмотря ни на что. Я отдаю вам свою душу, я буду вашим рабом, пажом всю жизнь. Я никогда ни словом, ни звуком не напомню вам о том, что произошло... Я не знаю причин, которые толкнули вас на убийство и не хочу их знать. Все пройдет, вы забудете эти проклятые дни и начнете новую жизнь

Леди Ю медленно, отрицательно покачала головой.

— Нет, Андре... Я не могу забыть... никогда не забуду. Мне тяжело говорить об этом, но дело не только в убийстве. Есть еще одна, самая главная причина, которая закрыла от меня все радости жизни... Когда-нибудь я расскажу вам об этом. Видите ли, у меня есть большое горе. Оно всегда со мною, оно ни на минуту не покидает меня, оно свалилось на меня, как страшная, могильная тяжесть... Я никогда

не сброшу этой тяжести... это не в моих силах... не в моей власти.

Я пыталась забыться... я пила... танцевала... кто-то учил меня даже прибегать к кокаину... И все это за короткое время... за эти дни моей жизни в Шанхае. Я надеялась, что найду способ забыться. Но ничего не вышло. Мое веселье было искусственное... через силу. В моих танцах было безумие отчаяния, усталость... я не молода... каждая моя улыбка, каждая шутка стоила мне адских усилий.

Нет, милый Андре. Вы мне очень нравитесь, вы не испорчены, вы настоящий джентльмен в самом лучшем смысле этого слова, но я не для вас... Я — мертвая. Не удивляйтесь, милый Андрей, но во мне все умерло. Я могу смеяться, кокетничать с вами... но все это маска, под которой другое лицо. Я измучена, устала жить, во мне все умерло.

Она опустила руку за борт лодки — в темную воду.

— Скажите мне, Ю, — проговорил Горин, — что удерживает вас здесь, в Шанхае? Почему вы не бежали отсюда, с места, где произошла трагедия? Скажите мне также, что значит ваше свидание с Ирой? Я видел вас вместе, когда вы в автомобиле уезжали куда-то из Метрополь-отеля.

— Вы узнаете скоро все, — ответила леди Ю. — Я не могу сейчас говорить об этом. Это так тяжело, Андре, так тяжело...

Она зябко повела плечами.

— Едем... стало холодно...

Они вернулись к пристани и Горин усадил леди Ю в автомобиль.

— Не провожайте меня, Андре... Я хочу побыть одна...

— Когда же я вас увижу, Ю? — спросил Горин, не отрываясь от ее лица, измученного, бледного, как гипсовая маска.

Она задумалась, отвернувшись, потом ответила:

— Дня через два... не раньше... Я хочу обдумать все, привести свои мысли в порядок. Я позвоню вам в контору или пришлю записку.

Она подала ему руку. Долго неподвижно смотрела на него. Сказала каким-то особенным, поразившим его тоном:

— Милый Андре! Вы не забудете меня? Я чувствую, что вы любите меня. Ведь вы почти признались в этом. Не нужно этого, мой мальчик. Это невозможно, я не могу ответить на ваши чувства. Когда-нибудь я скажу вам, почему. Я прошу вас только верить мне и сохранить обо мне теплое воспоминание. А я... я никогда не забуду вас...

— Что это значит? — взволнованно спросил Горин. — Вы что-то задумали, Ю. Вы пугаете меня!

— Нет, не бойтесь, ничего я не задумала. Через два дня мы увидимся. До свидания.

Горин долго стоял и смотрел вслед огоньку, который мелькал позади автомобиля. Огонек все уменьшался, колеблясь и подпрыгивая. Потом исчез за углом.

Смутная тревога овладела Гориним. Пришла мысль, что и леди Ю может исчезнуть из его жизни, как этот мигающий огонек.

* * *

Когда Горин вернулся домой, он застал у себя Красса. Финн сидел в облаках табачного дыма, держа сигаретку в крепких прокуренных зубах.

Он пронизательно посмотрел на Горина и процедил:

— Итак, что дало вам свидание с леди Ю? Что вы узнали?

Горин раздраженно бросился в кресло и пробормотал:

— Я думаю, что она тут не при чем. Мы ошиблись, Красс. Это дело не ее рук.. Я отказываюсь ее преследовать. Союз «ГИК» больше не существует...

Красс насмешливо посмотрел на Горина, свистнул и улыбнулся.

— Так я и знал! Вечная история! О, женщины!

ГЛАВА 25

ИСПОВЕДЬ ЛЕДИ Ю

Горин посмотрел в окно.

Шел дождь. Серое небо нависло над городом. Частая, мелкая сетка заволокла улицы, прятала соседние дома, нагоняла тоску.

Горин неохотно вышел из дома. Нужно было идти на службу.

Улица была покрыта водой и грязью. Редкие прохожие бежали по улице, прячась под зонтиками.

Швейцар у конторы подал ему письмо. Горин взглянул на конверт и сердце молодого человека забилося сильно и тревожно.

Он угнал почерк — писала леди Ю. Знакомый аромат — нежный и неуловимый — коснулся обоняния Горина.

Он вскрыл пакет. Первый же строчки письма застлали туманом его глаза.

Он сел к столу, забыв, где он, что с ним... Перед глазами мелькали строчки изящного мелкого женского почерка.

Из-за письма на него смотрели черные, блестящие зрачки. Тоска светилась в них и отчаяние.

Он прогнал усилием воли видение и стал читать.

— «Прощайте, милый, хороший Андре! Едва ли вы увидите меня когда-либо. Не печальтесь обо мне. Жизнь все же хороша, вы молоды и встретите на своем жизненном пути хорошую светлую девушку, с которой соедините свои судьбы.

Я не для вас. У меня другой путь — путь страданий и горя, со мной всегда воспоминания, вечные воспоминания...

У вас, конечно, много, много вопросов ко мне. В этом письме и ответчу на них. Я все расскажу — и прежде всего о Ляmine.

Я встретила с ним очень, очень давно — в 1909 году. Мои родные были очень богатые люди. Они имели заводы

на Урале и почти порвали связь с Англией. Я не ошибусь, если назову их миллионерами.

Они вели барскую жизнь, до известной степени заразившись широтою взглядов от русских. Каждый год кто-нибудь из нашей семьи уезжал за границу, пользовался всеми благами Европы и с чувством радости возвращался в Россию, которую мы все очень любили и считали своей второй родиной.

Таким образом, я с двенадцати лет почти каждый год бывала за границей.

В начале 1909 года я уехала вместе с дальней родственницей в Италию: у меня были слабые легкие и эта поездка была предписана каким-то медицинским светилом. Здесь, в Венеции, я встретила с Ляминам. Мне было 18 лет. Видите, Андре: мне уже 47 лет, так что это еще одна из причин, почему я вам не пара. Вы думали, что я моложе?

Итак, я была юна. Кроме того, я была очень взбалмошна, избалована богатством, роскошью нашей жизни в России и этими дорогостоящими поездками за границу.

Лямин был очень интересен. Прекрасный собеседник, психолог, знаток искусства, позер, драпировавшийся в поэтический плащ абруццкого бандита.

Венеция, Понте Риальто, канал Гранде, Лидо, лагуны, гондолы, громады дворцов и храмов, поэзия, которой овеян этот город, эта сказка на воде, просторы водной глади зелено-серой и безмятежной, покрытой нежной дымкой. Классическое место для любви!

Конечно, я влюбилась в Лямина. Иначе и быть не могло... опытный ловелас и неопытная девочка! Он был старше меня и уже основательно пожил. К сожалению, только впоследствии я узнала, что не я, а мое богатство влекло его ко мне.

Я написала домой. Родные всполошились, но не решились препятствовать браку: они боготворили меня и всякое мое желание было для них законом.

Кроме того, сыграли роль Венеция, лагуны, волшебные песни гондольеров. Вскоре определились результаты романа, о чем я также сообщила родным. Мы вернулись домой

и справили свадьбу. В том же году родился сын.

Уже через гол совершенно ясно определилось, что не я, а мои деньги нужны Лямину. Моя жизнь превратилась в ад. Я решила разойтись с мужем. Но это было не так просто: он не давал развода.

Скандалы не прекращались. Наконец, муж заявил, что даст развод за определенную сумму. Мы сговорились — и он, казалось, ушел из моей жизни, исчез.

Но через полгода исчез и мой сын. Он был почищен на улице, когда кормилица катала его в коляске. Двое мужчин схватили его сели в автомобиль и уехали.

Вы представляете себе мое состояние? Земля и небо обрушились на меня. Никакие поиски, никакие деньги, лучшие сыщики не могли разыскать моего сына. Я едва не умерла, болела очень долго.

Шли годы. Началась война, потом революция.

Когда в России начался общий развал, родители перевели на мое имя в Англию крупные деньги. Во время беспорядков на Урале мой отец погиб. Положение в стране все ухудшалось.

Весной 1918 года я и моя мать решили уехать из России.

Когда мы устраивались на пароходе а Архангельске, мы встретили на борту... Лямина. Он был все тот же.

С наглой улыбкой он подошел ко мне. Я была ни жива, ни мертва. Он сказал:

— Вы никуда от меня не уйдете. Я знал каждый ваш шаг за все эти годы.

— Прочь, прочь! — крикнула я в ужасе.

— Ну, хорошо. — ответил он. — А ваш сын?

— Где он? Вы похитили его... вы убили его?

— Что же, вы думаете, что я зверь? Я люблю нашего сына не меньше вас. Я хотел избавить его от глупой, тепличной жизни, которая окружала его и должна была сделать нравственным калеккой.

— Где он? Где вы его прячете? Он жив?

— Он в полной безопасности, здоров и отлично устроен. Моя опытность и ваши деньги помогут нам воспитать его.

Он остался пока в России, а я решил не терять вас из вида.
Когда мы приедем в Лондон и вы дадите мне денег, я сумею выписать его в Англию...

ГЛАВА 26

ПОГОНЯ, КОТОРАЯ ДЛИЛАСЬ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Я согласилась на все... я едва слушала его. Мне было важно узнать, что мой сын жив... жив... жив!

Я готова была целовать ноги этому мерзавцу. Мы приехали в Лондон. Лямин исчез и некоторое время о нем не было ни слуха, ни духа. Забыла добавить, что он получил от меня крупную сумму денег.

Одна цель владела мной — найти сына. Я предлагала Лямину огромные деньги, чтобы откупиться от него раз и навсегда и получить своего сына. Но он предпочел издеваться надо мною, живя за мой счет, и держать меня в своих руках.

И так мы скитались по свету — всегда на некотором расстоянии друг от друга.

Иногда я теряла его из вида, потом снова получала извещение от него, где он находится, и требование о деньгах, которые теперь нужны не только ему, но и нашему сыну.

Ему доставляли садистическое удовольствие эти путешествия.

Едва ли не весь свет мы объездили таким образом. Моя энергия и его злая воля не ослабевали.

Это тянулось — вы не поверите! — целые годы, да, многие, многие годы... целую жизнь. Андре, милый Андре, это тянулось почти 20 лет!

Годы шли, но мое желание увидеть теперь уже взрослого сына не ослабевало: это стало сумасшествием, моей манией, моей болезнью.

Целые двадцать лет, вы понимаете этот ужас — целых двадцать лет непрерывных скитаний в погоне за этим человеком, в погоне за призрачной возможностью найти сына!

Все эти долгие годы он непрерывно поддерживал во

мне надежду увидеть сына.

Я выражала сомнения в том, что сын жив, но Лямин с абсолютной уверенностью писал мне, что я могу не волноваться и что как бы я ни относилась к нему и каким бы негодеем его ни считала, — он не настолько пал, чтобы «братъ деньги за мертвый товар» (его дословные слова в одном из писем).

Я верила ему и... и бегала за ним по всему свету. Это длилось 20 лет... 20 лет я содержала его и давала деньги для сына.

В прошлом году я потеряла его из вида в Мельбурне. В полном отчаянии я писала по всем дальневосточным городам, разыскивая его, но долго ничего не могла добиться. Больше года я ничего не имела от него, не смея тронуться из Мельбурна, чтобы он не потерял меня.

Наконец, я выяснила, что он как будто в Японии. Я послала своих агентов разыскивать его. Они гонялись за ним по всей стране, посылали мне телеграфные доклады.

Наконец, я уехала сама в Японию. Но когда я нашла его след и узнала, что он только что был в Нагасаки, — он укатил в Шанхай. Я бросилась сюда и, наконец, настигла его. Его удивлению не было границ: даже он был поражен моей неистощимой двадцатилетней энергией.

На все вопросы о сыне он отвечал отговорками. Я снова была в его власти и он делал со мной, что хотел. Вы должны понять драму матери!

Он был противен мне, но я принуждена была уступить ему и снова принадлежала ему — всякий раз, когда он этого хотел и вызывал меня к себе домой. Я пережила миллион унижений, уколов самолюбия, самое презрительное и ужасное отношение к себе.

И я должна была еще снабжать его деньгами, так как он всякий раз говорит, что это нужно для нашего сына. Я шла на все, только бы узнать что-либо о нем.

Лямин заставлял меня бывать с ним в кабаре, в кабаках, кутить с ним, пить... я шла на все... я умоляла его только сказать, где мой сын.

В одно из таких посещений «Рамоны» я услышала грустную повесть Иры. Волна жалости к ней и новой гадливости к Лямину заставили меня решиться на последнее объяснение с Ляминым. В день убийства я вызвала его в “Ди-Ди”. Сидя в этом кафе, мы долго говорили с ним, но ни до чего не договорились. У меня не было намерения убивать его — клянусь вам. Я вспоминаю свои мысли тогда... перед этим свиданием. У меня не было мысли об убийстве. Я имею револьвер, но я не взяла его с собой. У меня была трость со стилетом — подарок одного поклонника в Каире. Это был острый, тонкий клинок отличной стали, спрятанный в обыкновенную трость. Я взяла эту трость бессознательно, так как часто ее брала во время прогулок. Я не могла предвидеть, как будет вести себя это животное. В “Ди-Ди” он вел себя прилично и щадил меня. Иначе... убийство могло бы произойти и в этом кафе. В “Ди-Ди” всегда много народа, но это, конечно, не могло бы остановить меня. Конечно, я была в состоянии аффекта, когда нанесла смертельный удар. Ну вот, Лямин предложил мне прокатиться или пройтись. Мы вышли из “Ди-Ди”, сели в машину. Покатались, потом вышли из авто где-то около Робинзон-род и направились в Джессфильд-парк. По дороге я в сотый раз умоляла его сказать, что с моим сыном.

Он смеялся и говорил, что у него есть ко мне другое дело. Он давно уже восторженно отзывался о вас, Андре, и я нахожу, что это было единственной его светлой чертой.

Но и здесь он не мог не сделать гадости. Мы гуляли по аллеям парка, когда он сказал мне с пошленькой улыбочкой:

ГЛАВА 27

КРОВАВЫЙ ФИНАЛ

— Я буду рад, если ты понравишься Андрею и соединишься с ним. С твоим глупым идеализмом вы — пара замечательная. И ему я окажу услугу: ведь, в общем, ты неплохая женщина. Это ничего, что ты старше его, зато у тебя есть опыт...

Его цинизм взорвал меня.

Я взяла первое, что мне попало под руку — носовой платок, — положила его на пустую коробку и написала: «Клянусь любить только Андрюшу Горина». Я не могу сейчас дать себе отчет, почему я это все сделала. Я вообще не вполне ясно помню эти минуты. Я протянула ему платок и сказала, намекая на его подлое, низкое отношение к Ире и циничное пари:

— Ты любишь оформление всякой подлости. Вот тебе расписка в том, что я готова даже продаваться, чтобы узнать, где мой сын...

Он посмотрел на платок, засмеялся и сказал:

— А это было бы забавно! Необыкновенная парочка!

Потом нахмурился и заговорил энергично и со злобой:

— Где твой сын? Ты никогда не узнаешь этого! Слышишь — никогда, никакой ценой! Я не настолько богат, чтобы терять курицу, несущую золотые яйца! Ты увезешь нашего сына и я никогда его не увижу. А ведь я тоже его люблю.

— Мы уже старики, — молила я его. — Начнем новую жизнь вместе с сыном. Я прощаю тебе все... все, всю свою загубленную жизнь! Я молю тебя.

Клянусь вам, я стала перед ним на колени, рискуя, что прохожие увидят эту сцену. Но в этом уединенном уголке парка не было ни души. Он рассмеялся и толкнул меня. Я едва не упала. Словно обожгло меня снова сказанное — твердо, жестоко, надменно:

— Никогда! Не проси — я никогда не отдам тебе сына! Ты никогда не узнаешь, где он...

Его лицо стало утрым и холодным. Он не знал пощады. Он отвернулся и стал насвистывать веселенькую оперетку...

Вся кровь ударила мне в голову, все, что накопилось за многие годы, вырвалось бешеной яростью из моей груди. Я взглянула на его самодовольную, равнодушную улыбку... выхватила из трости стилет... какая-то неведомая сила толкала меня... ярость владела мною...

Дальше... дальше я не помню.

Я очнулась у ворот парка... с половиной трости в руке. Я не могу понять, как меня не видели у ворот в таком виде.

Я села в автомобиль и уехала в свой отель. Потом явились мысли, что меня сейчас схватят, арестуют, будут судить...

Сидеть в тюрьме из-за этой гадины! Я подумала, что никто, видимо, не заметил, как я выходила из парка. Тогда пришла мысль, что первая меня может выдать Ира. Нужно было отвлечь ее подозрения.

Собрав всю силу воли, я собрала компанию и поехала в "Рамону".

Когда я вернулась домой, — я упала на пороге своего номера в обморок: сказалось страшное напряжение, которое мне было нужно, чтобы выдержать эту опасную игру.

Кажется, мне удалось усыпить ее подозрения.

Потом знакомство с вами. Я поняла, что Ира выдала меня и что я накануне гибели. Я решила увезти ее куда-нибудь, тем более, что горячее чувство симпатии к этой женщине, пострадавшей от того же негодяя, заставляло меня помочь ей.

Это и задержало меня в Шанхае. Мы сговорились с ней бежать. Но предварительно мне хотелось узнать, какие подозрения вы и Кросс имеете против меня. С этой целью я поехала на свидание с вами.

Я убедилась, что моя свобода зависит от вас. Я убедилась также, что вы не сделаете мне зла. Я верю в ваше благородство и потому пишу вам все это. Вы поймете меня и мои

мучения. Потерять сына, иметь руки в крови — этого достаточно, чтобы закрыть душу от всех радостей жизни.

Прощайте, Андре! Не ищите нас — меня и Иру. Мы уже далеко в море. Пусть счастье будет с вами всегда. Нежно целую вас, мой славный мальчик. Не забывайте несчастную леди Ю».

— «Ю» —

За окном моросил дождь, серое небо нависло над городом.

Отчаяние сдавило грудь Горина.

Он уронил голову и прошептал:

— Мне не забыть вас, леди Ю, никогда... никогда...

ГЛАВА 28

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ЛЯМИНА

Прошли две недели — две недели отчаяния, ужаса для Горина.

Все померкло и посерело вокруг и жизнь стала неинтересной.

Удар, нанесенный ему странной женщиной со странным именем леди Ю, был слишком силен.

Словно что-то оторвалось от его души бесконечно дорогое, близкое, родное.

Он ловил себя на мысли, что в его отношении к леди Ю не было ничего чувственного.

Ему было странно, что он не желал ее, как желал бы всякую другую женщину при таких обстоятельствах. Только видеть ее, только говорить с ней, только слышать ее.

Была ли это любовь, настоящая любовь? Без чувственности? Или, быть может, это и есть настоящая любовь?

Горин осунулся, похудел. На службе спрашивали, что с ним. Он только равнодушно отмахивался.

Так же равнодушно посмотрел он на письмо, которое ему подал бой офиса.

Посмотрел, и хотя почерк, которым был написан адрес, был ему незнаком, его сердце вдруг мучительно и радостно сжалось: не весточка ли это от леди Ю?

Марка была английская, а штемпель почтового отделения в Гонконге.

Горин торопливо вскрыл конверт и прежде всего посмотрел на подпись. Писала Ира, блондинка, с которой уехала леди Ю.

Горин жадно впился в неровные, бисерные строчки.

«Дорогой Андрей Михайлович, — писала ему Ира. — Разрешите назвать Вас “дорогой”: так случилось, что нас многое соединило в эти странные и страшные дни, связанные с убийством этого человека.

Я знаю, что леди Ю писала Вам и распрощалась с Вами, так что Вы, конечно, удивитесь, получив это письмо, написанное с целью не проститься с Вами, а заставить Вас снова искать встречи с леди Ю.

Вы удивитесь началу письма, но Вы еще более удивитесь, когда узнаете самые поразительные вещи.

Я считаю долгом написать это письмо, так как больше не могу видеть страдания бедной леди Ю. Эта разлука с Вами выше ее сил. Она плачет целыми днями... это убьет ее.

Она не уполномочивала меня писать это письмо. Встреча с Вами будет очень тяжела, но еще тяжелее будет разлука.

Я должна Вам все открыть: так велит мне моя совесть, моя привязанность к этой женщине, моя любовь к ней и страдание.

Так сложилось, что как это ни странно — я знаю о Вас и о Вашей жизни больше, чем Вы знаете сами — не удивляйтесь.

Леди Ю прочитала мне свое письмо к Вам, которое послала в день нашего с ней отъезда.

Не все правда в этом письме. Я внесу все нужные поправки, базируясь на рассказе леди Ю.

Она все, все поведала мне.

Она написала Вам, как произошла ее встреча с Лямым, как они познакомились, повенчались, как определилось, что этот брак был ее ошибкой, которую трудно было исправить, ибо на свет появился сын.

Дальше она рассказала о разводе, об исчезновении сына и мужа, о новой с ним встрече, о вымогательствах и о самой удивительной в мире двадцатилетней погоне по всему миру. Все это верно и леди Ю мне это подтвердила.

На пароходе с ней был сердечный припадок, и когда я ухаживала за ней, она мне рассказала это самое главное.

Передаю ее подлинные слова, которые будут продолжением ее рассказа о том, что произошло в Джессфильд-парке:

“Я взглянула на его самодовольную, равнодушную улыбку... выхватила из трости стилет... какая-то неведомая сила толкала меня... ярость владела мною.

Я вонзила стилет ему в грудь и выпустила рукоятку.

Он схватился за нее обеими руками, пытаясь вытащить, но не смог и упал на землю.

Я читала в газетах, что стилет пронзил сердечную сумку. Приходится удивляться, что Лямин умер не сразу. Он прошептал:

— Ты убила меня! Беги отсюда скорее... спасайся!

У него на губах выступили розовые пузыри. Я окаменела, не могла сделать ни шагу.

Он прошептал совсем тихо:

— Умираю... нагнись... нагнись! Твой сын... наш сын — это Андрюша Горин. Найди его! Возьми у меня в пиджаке письма... из них ты все поймешь. Я хотел сегодня рассказать тебе все...

Это было последнее, что он сказал. Все было кончено.

Я нагнулась, собрала всю силу воли, ощупала пиджак.

В правом внутреннем кармане была толстая пачка. Я вытащила ее.

Это были письма, перевязанные шнурком.

Я положила письма в свою сумку, встала, посмотрела вокруг. Никого не было.

Я выбежала из парка, села в машину и уехала в свой отель.

ГЛАВА 29

ПАЧКА ПИСЕМ

Я начала читать письма... сначала ничего не понимала... огненные круги вертелись перед глазами.

Потом я стала разбираться в письмах.

Они были от Горина... от какого-то старика Горина: он жаловался на свои годы и болезни в одном из писем.

Постепенно, по письмам и по нескольким копиям ответов Лямина я, более или менее, восстановила историю жизни своего сына.

Судя по числам на письмах, видно было, что переписка велась очень редко, многих писем явно не хватало. Но приблизительная картина была такая...

Ах, Боже мой, Ира, вы понимаете, с каким чувством я перебирала эти письма?

Я читала историю своего сына, когда его отец, мой муж, лежал там, в глухой аллее парка!

Я видела, я чувствовала на своих руках кровь.

Но во мне все кипело... я дрожала от счастья... я нашла своего сына!

Я узнала, что после похищения сына людьми Лямина он устроил моего малютку в семью одного землемера в Омске. Фамилия этого человека была Горин.

Судя по письмам, это был очень добрый человек.

Не знаю, что его заставило взять моего сына и понимал ли он, что ребенок похищен. Вероятно, основную роль играли деньги Лямина, то есть мои деньги. Во всяком случае, в некоторых письмах о деньгах речь шла.

Вместе с тем, эти письма были, так сказать, рапортом о жизни моего сына.

Письма были помечены штемпелями Омска, Рязани, Смоленска, Иркутска, Владивостока.

Кратце я узнала, как мой сын рос, учился, болел.

Горин и его жена усыновили моего сына и, судя по письмам, никогда не открывали ему правды о его происхождении.

Так шли годы.

Когда началась гражданская война, моему сыну было 8 лет. Тут в письмах огромный перерыв: видимо, при большевиках Лямин потерял связь с Гориными.

Восстановлена была переписка не скоро: первое из этих писем помечено штампом Владивостока 24 августа. Сыну было уже 19 лет.

От 1931 года есть письмо г-жи Гориной, которая сообщала о смерти мужа. Последнее письмо помечено 7 июля 1932 года.

В этом письме г-жа Горина жаловалась на свою тяжелую жизнь и выражала радость, что Андрюша уехал за границу.

Видимо, мой сын бежал в Японию: когда Лямин рассказывал мне об Андрюше Горине, то говорил, что он бежал из Владивостока в Японию на парусной яхте вместе с тремя молодыми людьми,

Это все, что я узнала из писем.

В 1934 году Лямин нашел Андрея Горина в Йокогаме, но ничего ему не сказал о том, что он не сын Гориных.

Видимо, он не знал, как объяснить сыну, да и не хотел рассказывать ему эту сложную и тяжелую историю.

Но он любил сына по-своему и более не оставлял, помогая ему моими деньгами”.

* * *

Вот, дорогой Андрей Михайлович, и вся Ваша история в изложении леди Ю.

Эти письма служат прямым подтверждением признания умирающего Лямина.

Итак, Вы сын леди Ю! Я была потрясена развязкой этой трагической истории.

Эта развязка даже не снилась нашему прославленному Шерлоку Холмсу — Симону Кроссу.

Я спросила леди Ю:

— Почему же не сказать всего этого Андрею Михайловичу? Почему не открыть, что он — ваш сын? Почему вы отказались от сына после того, как искали его столько лет?

Она сидела и плакала, обхватив голову руками. Потом заговорила:

— Открыть ему все? Открыть, что руки его матери в крови? Открыть, что я — убийца его отца? Нет, что выше моих сил! Кроме того, мой бедный, романтически настроенный мальчик влюблен в меня. Нет, это такой клубок, который распутать я не могу! Я предпочитаю бежать. Пусть живет спокойно, никогда не узнав трагедии своих настоящих родителей...

Но, дорогой Андрей Михайлович, я нижу, что разлука с Вами убьет ее.

Ждать всю жизнь, всю жизнь искать сына — найти и отказаться от него?

Это выше ее слабых сил! Она тает, тает на моих глазах.

Дорогой Андрей Михайлович! Я решила вмешаться. Судите меня, как хотите, но я не могу молчать,

Леди Ю сейчас в госпитале: она нервно потрясена, это серьезно. Только Вы можете ее спасти.

Я молю Вас приехать сюда. Вы должны быть около своей матери. С Вами она найдет новую радость в жизни.

Дорогой Андрей Михайлович, немедленно пошлите по прилагаемому адресу телеграмму о своем выезде.

С Вашими связями и знакомствами Вы легко получите визу в Гонконг. Молю Вас, приезжайте!

Ваша Ира».

Эфир принял и передал, вместе с адресом, три слова: «Выезжаю люблю сын».

ОБ АВТОРЕ

Яков Львович Дейч — таково было настоящее имя писателя, прославившегося в «русском Китае» под псевдонимом «Яков Лович» — родился 28 декабря 1898 г. (ст. ст.) в Усть-Каре, на Карийской каторге, в семье известного революционера-меньшевика Л. Г. Дейча (1855-1941) и политкаторжанки-«народницы» М. А. Ананьиной (1849-1899).

После бегства Л. Г. Дейча из Владивостока за границу в 1901 г. Яков Дейч жил в Благовещенске, где в 1915 г. окончил мужскую гимназию; затем он поступил в Московский университет и весной 1916 г. был призван в армию. По окончании 3-й Московской школы прапорщиков был отправлен в 9-й Сибирский стрелковый полк. Летом 1917 г. был контужен в голову в бою под Ригой.

В 1918 г., согласно автобиографии, покинул развалившуюся армию и добрался до Петрограда, где встретился с отцом, которого практически не знал; Л. Г. Дейч снабдил сына солдатскими документами и деньгами и помог уехать в Амурскую область.

Вступив в армию Колчака, Я. Л. Дейч был легко ранен в апреле 1919 г. в бою под Виноградовкой; затем до 1920 г. он был следователем при военно-полевым суде, занимал должность прокурора по политическим и уголовным делам и дослужился до поручика. В феврале 1920 г. эмигрировал в Харбин, работал агентом Амурского общества пароходства и торговли, был откомандиро-

ван в Иокогаму. Осенью 1922 г. вернулся в Маньчжурию, в 1923-1926 гг. работал в харбинской библиотеке Д. Н. Бодиско.

В 1926 г. Я. Дейч стал журналистом и секретарем газеты «Рупор» и сотрудником журнала «Рубеж» и взял псевдоним «Лович». В 1931 г. в Харбине вышел в свет его сборник «рассказов о любви» «Ее жертва», заслуживший положительные оценки А. Несмелова и Н. Резниковой.

Одновременно в тесном сотрудничестве с издателем «Рупора» и «Рубежа» Е. С. Кауфманом Лович приступил к переложению написанного еще в 1921 г. в Японии фантастического романа «Что ждет Россию» (книжное издание 1932). Роман начал печататься в «Рупоре» в начале 1932 г. и принес автору европейскую известность, так как Ловичу удалось предсказать в нем белогвардейское покушение на президента Франции. После убийства французского президента П. Думера, совершенного 6 мая 1932 г. безумным русским националистом П. Горгуловым, роман был спешно переведен на несколько европейских языков (под названием «Буря над Европой»). И в СССР, и на Западе делались попытки представить роман как доказательство существования белогвардейского либо коммунистического заговора.

В 1936 г. в Харбине вышла книга «Офицерская шинель: Белая Голгофа», составленная из рассказов Ловича и стихотворений Г. Мурашева. В 1937 г. Лович перебрался в Шанхай, где работал в газете «Шанхайская заря» и печатал рассказы в журнале «Грани».

В 1940 г. в Шанхае был опубликован детективный роман Ловича «Дама со стилетом». Здесь Лович откровенно ориентировался на бульварные образцы; впрочем, роман понравился критике: «Интригующая завязка, пестрое и живое развитие увлекательной фабулы, ярко очерченные типы, элемент неожиданности сцен и положений в качестве лейтмотива — все это выдержано в плане, вполне соответствующем требованиям и заданиям каждого произведения такого характера. Чисто шанхайский фон “Дамы со стилетом”, развешивание действия в знакомых местах придает роману особый интерес <как> для местных читателей, так и для более широкой аудитории, мало знакомой с ярким колоритом нашего города и единственной в своем роде “романтикой Шанхая”».

В том же году Лович выступает как редактор и автор предисловия к книге К. А. Емельянова «Люди в аду: К 20-летию гибели Николаевска-на-Амуре», рассказывающей о зверском уничтожении города бандами красного партизана Я. Тряпицына, а в 1941 г. публикует посвященный этой теме большой роман «Враги». Роман «Шанхайцы», над которым писатель работал в начале 1940-х

гг., остался при жизни Ловича неизданным и был опубликован лишь фрагментарно в 2000 г.

В 1951 г. Лович через остров Тубабао эмигрировал в США; его жена американскую визу не получила по причине туберкулеза и вскоре скончалась в Париже. Я. Лович-Дейч умер от рака легких в больнице Стэнфордского университета 27 августа 1956 г.

В 2000-х гг. началось постепенное возвращение его произведений к читателям. В 2007 г. в Москве был переиздан роман «Враги», в 2009 г. в Сиднее— романы «Что ждет Россию» и «Дама со стилетом». За единичными исключениями, остаются неперезданными многие десятки рассказов, опубликованных Ловичем в периодической печати, а также роман «Шанхайцы».

Роман «Дама со стилетом» был впервые опубликован издательством «Дракон» в Шанхае в 1940 г. В настоящем издании орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам; также исправлены некоторые очевидные опечатки.

В оформлении обложки использован фрагмент оригинальной обложки издания 1940 г. В биографическом очерке использованы публикации А. А. Хисамутдинова. Издательство приносит глубокую благодарность П. Полански и А. Н. Кравцову за помощь в подготовке издания.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.